

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,

П О Э М А.

рис. И. Иванова

Грав. М. Иванова

❧

РУСЛАНЪ
И
ЛЮДМИЛА
ПОЭМА

ВЪ ШЕСТИ ПѢСНЯХЪ.

Соч. А. Пушкина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Греча.

1820.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ пѣмь, чшобы до выпуска изъ типо-
графіи предсшавишь въ Санктпетербург-
скій Цензурный Комитешъ шесшь экзем-
пляровъ для препрожденія оныхъ куда
слѣдуешъ на основаніи узаконеній.

С. Петербургъ, Мая 15 дня 1820.

*Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кав.
Ив. Тилковской.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Для васъ, души моей Царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золомыхъ,
Подъ шопоть спарины болпливой,
Рукою вѣрной я писалъ;
Примише жъ вы мой шрудъ игривый!
Ни чьихъ не пребуя похваль,
Счастливь ужъ я надеждой сладкой,
Чшо дѣва съ прешпомъ любви
Посмотрись, можешъ бышь, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой!

Въ полѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ грядницѣ высокой
Владимірь - солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За Князя храбраго Руслана,
И медь изъ шляжкаго спакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашики носили
И низко кланялись госпямъ.

Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
 Жужжишь госшей веселый кругъ;
 Но вдругъ раздался гласъ пріятный
 И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ;
 Всѣ смолкли; слушающъ Баяна:
 И славишь сладостный пѣвецъ
 Людмилу-предеснь и Руслана
 И Лелемъ свишый имъ вѣнецъ.

Но спрасплю пылкой упомленный
 Не ѣспъ ни пѣснь Русланъ влюбленный;
 На друга милаго глядишь,
 Вздыхаешъ, сердился, горишь
 И щипля усь опъ нешерпѣнья
 Щипаешъ каждыя мгновенья.
 Въ уныны, съ пасмурнымъ челомъ
 За шумнымъ, свадебнымъ споломъ
 Сидящъ при випязя младае;
 Безмолвны, за ковшемъ пуспымъ,
 Забыли кубки круговые
 И брашны непріятны имъ;
 Не слышущъ вѣщаго Баяна,
 Попутили смущенный взглядъ:
 То при соперника Руслана —
 Въ душъ несчастныя шаящъ

Любви и ненависти ядъ.

Одинъ — Рогдай, воишель смѣлый,
 Мечемъ расширившій предѣлы
 Богашыхъ Кіевскихъ полей;
 Другой — Фарлафъ, крикунъ надменный,
 Въ пирахъ никѣмъ непобѣжденный,
 Но воинъ скромный средь мечей;
 Послѣдній, полный спрашной думы,
 Младой Хазарскій Ханъ, Рапмиръ;
 Всѣ шрое блѣды и угрюмы,
 И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вопль конченъ онъ, вспаюшь рядами,
 Смѣшались шумными полнами,
 И всѣ глядяшь на молодыхъ;
 Невѣста очи опустила,
 Какъ будшо сердцемъ пріуныла,
 И свѣпель радостный женихъ;
 Но шѣнь объемлешъ всю природу,
 Ужь близко къ полночи глухой;
 Бояре, задремавъ ошь мѣду,
 Съ поклономъ убралсь домой.
 Женихъ въ воспоргъ, въ упоеньѣ:
 Ласкаешъ онъ въ воображеньѣ
 Спыдливой дѣвы красопу;

Но съ шайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
 Великій Князь благословеньемъ
 Даруешь юную чешу.

И вошь невѣсту молодую
 Ведущъ на брачную постель;
 Огни погасли. и ночную
 Лампаду зажигаешь Лель.
 Свершились милья надежды,
 Любви гошоващя дары;
 Падущъ ревнивыя одежды
 На Цареградскіе ковры.
 Вы слышите ль влюбленный шопощъ
 И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
 И прерывающійся ропощъ
 Последней робости? Супругъ
 Воспорги чувствуешь заранъ;
 И вошь они наспали Вдругъ
 Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ шуманъ,
 Лампада гаснеть, дымъ бѣжитъ,
 Крутомъ все смерклося, все дрожитъ,
 И замерла душа въ Русланъ
 Все смолкло! Въ грозной пишинѣ
 Раздался дважды голось спранный,
 И кшо-шо въ дымной глубинѣ

Взвился чернѣ мглы шуманной. . . .
 И снова шеремь пуспъ и пихъ ;
 Вспаешъ испуганный женихъ ,
 Съ лица кашипся пошъ оспылой ;
 Трепеща, хладною рукой
 Онъ вопрошаешъ мракъ нѣмой
 О горе ! нѣтъ подруги милой !
 Хвашаешъ воздухъ онъ пуспой ;
 Людмилы нѣтъ во шмѣ гуспой ,
 Похищена безвѣспной силой !

Ахъ ! если мученикъ любви
 Спрадаешъ спраспью безнадёжно ;
 Хошъ груспно живъ , друзья мои ,
 Однако живъ еще возможно .
 Но послѣ долгихъ , долгихъ лѣтъ
 Обняшъ влюбленную подругу ,
 Желаній , слезъ , шоски предметъ —
 И вдругъ , минушнюю супругу
 На вѣкъ упрашишь ! о друзья !
 Конечно лучше бъ умеръ я !

Однако живъ Русланъ несчастной .
 Но что сказалъ Великій Князь ?
 Сраженный вдругъ молвой ужасной ,

На зяпя гнѣвомъ разпалясь,
 Его и Дворъ онъ созываетъ:
 „Гдѣ, гдѣ Людмила?“ вопрошаешь
 Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
 Русланъ не слышитъ. „Дѣши, други!
 „Я помню прежнія заслуги —
 „О сжалъсь вы надъ старикомъ!
 „Скажете, кто изъ васъ согласенъ
 „Скакашь за дочерью моею?
 „Чей подвигъ будешь не напрасенъ,
 „Тому — шерзайся, плачь, злодѣй!
 „Не могъ сберечь жены своей! —
 „Тому я дамъ ее въ супруги
 „Съ пол-царствомъ прадѣдовъ моихъ.
 „Кшожь вызовешся, дѣши, други?“
 — Я! молвилъ гореспный женихъ.
 — „Я! я! воскликнули съ Рогдаемъ
 Фарлафъ и радоспный Рапмиръ:
 Сей часъ коней своихъ сѣдаемъ,
 Мы рады весь извѣздишь мѣрь.
 Опець нашъ! не продлимъ разлуки!
 Не бойся: ѣдемъ за Княжной.“ —
 И съ благодарностью нѣмой
 Въ слезахъ, къ нимъ проспираешь руки
 Старикъ, измученный поскою.

Всѣ чешверо выходяшь вмѣстѣ;
 Русланъ уныньемъ какъ убишь;
 Мысль о пошерянной невѣстѣ
 Его шерзаешь и мершвишь.
 Садяся на коней репивыхъ,
 Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
 Лешяшь въ клубящейся пыли;
 Уже скрывающяся вдали,
 Ужь всадниковъ невидно болѣ...
 Но долго все еще глядишь
 Великій Князь въ пустое поле,
 И думой имъ во слѣдъ лешяшь.

Русланъ помился молчаливо,
 И смыслъ и памяшь пошерявъ.
 Черезъ плечо глядя спѣсиво
 И важно подбочась, Фарлафъ
 Надувшись, ѣхаль за Русланомъ.
 Онъ говоришь: „на силу я
 „На волю вырвался, друзья!
 „Ну скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
 „Ужь шо-шо крови будешь печь,
 „Ужь шо-шо жерпвъ любви ревнивой!
 „Повеселись, мой вѣрный мечъ,
 „Повеселись, мой конь репивой!“

Хазарскій Ханъ, въ умъ своёмъ
 Уже Людмилу обнимая,
 Едва не пляшешь надъ сѣдломъ;
 Въ немъ кровь играешь молодая,
 Огня надежды полонъ взоръ:
 То скачешь онъ во весь опоръ,
 То дразнишь бѣгуна лихова,
 Кружишь, подъемлешь на дыбы,
 Иль дерзко мчишь на холмы снова. —
 Рогдай угрюмъ, молчишь — ни слова —
 Спрашась невѣдомой судьбы,
 И мучась ревностью напрасной
 Всѣхъ больше беспокоенъ онъ;
 И часно взоръ его ужасной
 На Князя мрачно устремлѣнъ.

Соперники одной дорогой
 Все вмѣстѣ вдушь цѣлый день;
 Днѣпра спалъ шемень брегъ оплодой;
 Съ воспока льешься ночи шѣнь;
 Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
 Пора конямъ ихъ опдохнуть.
 Вошь подъ горой пушемъ широкимъ
 Широкий пересѣкъся пушь.
 „Разъѣдемся! пора!“ сказали,

Безвѣстной ввѣрится судьбѣ.“
 И каждый конь, не чуя спали,
 По волю пущь избралъ себѣ.
 Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
 Одинъ въ пустынной пишинѣ?
 Людмилу, свадьбы день ужасный,
 Все, мнишься, видѣлъ ты во снѣ.
 На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
 Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
 Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
 И медленно въ душѣ пвоей
 Надежда гибнешь, таснешь вѣра.

Но вдругъ предъ нами пещера;
 Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней
 Идешь подъ дремлющія своды,
 Ровесники самой природы
 Вошелъ съ уныньемъ — что-же зришь?
 Въ пещерѣ спарець, ясный видъ,
 Спокойный взоръ, брада сѣдая;
 Лампада передъ нимъ горитъ;
 За древней книгой онъ сидитъ,
 Ее внимашельно читая.
 „Добро пожаловать, мой сынъ!“
 Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:

„Ужь двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
 Во мракъ старой жизни вяну;
 Но наконецъ — дождался дня,
 Давно предвидѣннаго мною.
 Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
 Садись и выслушай меня.
 Русланъ! лишился ты Людмилы;
 Твой швердый духъ шеряешь силы;
 Но зла промчипся быспрый мигъ :
 Навремя рокъ тебя поспигъ.
 Съ надеждой, вѣрою веселой
 Иди на все — не унывай!
 Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
 Свой пушь на полночь пробивай!

„Узнай, Русланъ! швой оскорбипель
 Волшебникъ спрашный Черноморъ,
 Красавицъ давній похипипель,
 Полнощныхъ обладатель горъ.
 Еще ни чей въ его обипель
 Не проникаль донинѣ взоръ;
 Но ты, злыхъ козней испребипель,
 Въ нее ты вспупишь, и злодѣй
 Погипбнешь ошь руки швоей.
 Тебѣ сказашь не долженъ боль :

Судьба твоихъ грядущихъ дней,
 Мой сынъ, въ твоей опнынь воль.,,

Нашъ Выпязь спарцу палъ къ ногамъ,
 И въ радости лобзаетъ руку.
 Свъшлѣешь мѣръ его очамъ —
 И сердце позабыло муку.
 Вновь ожилъ онъ — и вдругъ опятьъ
 На вспыхнувшемъ лицѣ кручина . . .
 — „Ясна шоски твоей причина,
 Но грусть не прудно разогнашь,
 Сказаль спарикъ: тебѣ ужасна
 Любовь съдаго колдуна;
 Спокойся — знай, она напрасна,
 И юной дѣвѣ не спрашна.
 Онъ звѣзды сводишь съ небосклона,
 Онъ свиснешь — задрожншь луна;
 Но пропивъ времени закона
 Его наука не сильна.
 Ревнивый, пррепешный хранишель
 Замковъ безжалоспныхъ дверей,
 Онъ полько немощный мучишель
 Прелесшной плѣнницы своей.
 Вокругъ нее онъ молча бродишь,
 Клянешъ жестокій жребій свой

Но, добрый вишязь, день проходишь,
А нужень для себя покой. —

Русланъ на мягкій мохъ ложился
Предъ умирающимъ огнѣмъ;
Онъ ищешь позабышься сномъ,
Вздыхаешь, медленно вершишься....
Напрасно! Вишязь наконецъ:
„Не спишься чшо-шо, мой отецъ!
Чшо дѣлаешь! боленъ я душою,
И сонъ не въ сонъ, какъ пошно живешь.
Позволь мнѣ сердце освѣжишь
Твоей бесѣдою свяшою.
Прости мнѣ дерзоспный вопросъ.
Откройся — кшо ты, благодапный,
Судьбы наперсникъ непоняпный?
Въ пустыню кшо тебя занёшь?“ —

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Спарикъ въ отвѣтъ: „любезный сынъ,
Ужь я забылъ опчизны дальной
Угрюмый край. Природный Финъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣспныхъ.
Гоняя спадо сель окреспныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ

Однѣ дремучія дубравы,
 Ручьи, пещеры напихъ скаль,
 Да дикой бѣдності забавы.
 Но жипь въ опрадной пишинѣ
 Дано не долго было мнѣ.

Тогда близъ нашего селенья,
 Какъ милый цвѣшь уединенья,
 Жила Наина. Межь подругъ
 Она гремяла красопою.
 Однажды упренней порою
 Свои спада на шемный лугъ
 Я гналь, волынку надувая;
 Передо мной шумѣль пошокъ.
 Одна красавица младая
 На берегу плела вѣнокъ.
 Меня влекла моя судьбина
 Ахъ, вишязь, шо была Наина!
 Я къ ней — и пламень роковой
 За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
 И я любовь узналь душой
 Съ ея небесною опрадой,
 Съ ея мучишельной шоской.

Умчалась года половина;
 Я съ шрепещомъ ошкрываю ей,

Сказаль: люблю тебя, Наина,
 Но робкой гореспи моей
 Наина съ гордостью внимала,
 Лишь прелеспи свои любя;
 И равнодушно опвѣчала:
 Паспухъ, я не люблю тебя!

И все мнѣ дико, мрачно спало:
 Родная куца, шѣнь дубровъ,
 Веселы игры паспуховъ —
 Ничто шоски не упъшало.
 Въ уныньи сердце сохло, вяло.
 И наконецъ задумаль я
 Осщавишь Финскія поля;
 Морей невѣрныя пучины
 Съ дружиной брашской переплышь,
 И бранной славой заслужишь
 Вниманье гордое Наины,
 Я вызваль смѣлыхъ рыбаковъ
 Искать опасностей и злапа.
 Впервые тихій край опцовъ
 Услышаль бранный звукъ булапа
 И шумъ немирныхъ челноковъ.
 Я вдаль уплыль, надежды полный
 Съ щолпой беспспрашныхъ земляковъ;

Мы десяць лѣшь снѣга и волны
Багрили кровію враговъ.
Молва неслась — Цари чужбины
Спрашились дерзосши моей;
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей;
Мы весело, мы грозно бились,
Дѣлили дани и дары,
И съ побѣжденными садились
За дружелюбныя пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Подъ шумомъ биввы и пировъ
Томилось шайною кручиной,
Искало Финскихъ береговъ.
Пора домой, сказалъ я, други!
Повѣсимъ праздныя кольчуги
Подъ сѣнью хижины родной.
Сказалъ — и весла зашумѣли;
И спрахъ оставя за собой,
Въ заливъ опчизны дорогой
Мы съ гордой радосшью влещѣли.
Сбылись давнишнія мечпы,
Сбылся пылкія желанья!
Минуша сладкаго свиданья,
И для меня блеснула пы!

Къ ногамъ красавицы надменной
 Принесъ я мечъ окровавленной,
 Кораллы, злато и жемчугъ;
 Предъ нею, спрасшью упоенный,
 Безмолвнымъ роемъ окруженный
 Ея зависпливыхъ подругъ,
 Споялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
 Но дѣва скрылась ошъ меня,
 Промолвя съ видомъ равнодушнымъ:
 Герой! я не люблю себя!

Русланъ, не знаешь ты мученья
 Любви, ошверженной на вѣкъ.
 Увы! ты не сносишь презрѣнья.
 И что же, спранный человекъ!
 И ты жъ поскою сердце губишь.
 Счастливецъ! ты любимъ, какъ любишь.

Къ чему рассказывашъ, мой сынъ,
 Чего пересказашъ нѣшъ силы?
 Ахъ! и шеперь одинъ, одинъ,
 Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
 Я помню горешъ, и порой,
 Какъ о минувшемъ мысль родишя,

По бородѣ моей съдой
 Слеза тяжелая капишся.
 Но слушай: въ родинѣ моей
 Между пусшынныхъ рыбаей
 Наука дивная паишся.
 Подъ кровомъ вѣчной пишины,
 Среди лѣсовъ, въ глуши далѣкой
 Живушъ съдые колдуны;
 Къ ученю мудроспи високой
 Всѣ мысли ихъ усшремлены;
 Все внемлетъ голось ихъ ужасный,
 Чшо было и чшо будешъ вновъ,
 И грозной воли ихъ подвласшны
 И гробъ и самая любовь.

И я — любви искашель жадной —
 Рѣшился въ грусти безошрадной
 Наину чарами привлечь,
 И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
 Любовь волшебсшвами зажечь.
 Спѣшилъ въ объяшя свободы,
 Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
 И шамъ, въ ученю колдуновъ,
 Провелъ невидимые годы.
 Насшаль давно желанный мигъ,

И шайку страшную природы
 Я свѣшлой мыслию поспигъ —
 Узналъ я силу заклинаньямъ.
 — Вѣнецъ любви! вѣнецъ желаньямъ!
 Теперь, Наина, пы моя!
 Побѣда наша! думалъ я.
 Но въ самомъ дѣлѣ побѣдился
 Былъ Рокъ, упорный мой гонитель.

Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
 Въ воспоргѣ пылаго желанья,
 Творю поспѣшно заклинанья,
 Зову духовъ — и виновашъ! —
 Безумный, дерзоспный грабитель,
 Достойный Черномора брашъ,
 Я спалъ Наины похищитель.
 Лишь загадалъ — во пмѣ лѣсной
 Спрѣла промчалась громовая,
 Волшебный вихоръ поднялъ вой,
 Земля вздрогнула подъ ногой . . .
 И вдругъ сидишь передо мной
 Спарушка дряхлая, сѣдая,
 Глазами впалыми сверкая,
 Съ горбомъ, съ прясучей головой—
 Печальной вешхоспи картина —

Ахъ, випязь! шо была Наина!
Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами спрашний призракъ мѣрилъ,
Въ сомнѣннн все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
Возможно ль! ахъ, Наина! пы ли?
Наина! гдѣ швоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя пакъ спрашно измѣнили?
Скажи, давно ль оспавя свѣшь
Разспался я съ душой и съ милой?
Давно ли?... — „Ро но сорокъ лѣшь,
Былъ дѣвы роковой опвѣшь:
Сегодня семьдесятъ мнѣ било.
Чшо дѣлашь! мнѣ пиципъ она,
Толпою годы пролетѣли,
Прошла моя, швоя весна —
Мы оба посшарѣшь успѣли.
Но чшо же! право не бѣда
Невѣрной младосши ушраша.
Конечно, я шеперь сѣда,
Немножко моженъ бышь горбаша;
Не шо чшо въ спарину была,
Не пакъ жива, не пакъ мила;

За то, (прибавила болшунья),
Ошкрою шайну: я колдунья!“

И было въ самомъ дѣлѣ шакъ.
Нѣмой, недвижный передъ нею,
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудростью моею.

Но вошь забавно: колдовство
Вполнѣ свершилось по несчастью.
Мое съдое божество
Ко мнѣ пылало сильной спрашью.
Могильнымъ голосомъ уродъ,
Скрививъ улыбкой спрашный ропъ,
Бормочешъ мнѣ любви признанье,
Вообрази мое спраданье!
Я шрепешаль, пошупя взоръ;
Она же съ кашлемъ продолжала
Тяжелый, спрашный разговоръ:
„Такъ, сердце я шеперь узнала,
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для нѣжной спрашши рождено;
Проснулись чувешва, я стараю,
Томлюсь желаньями любви

Приди въ объятія мои

О милый, милый! умираю“

И между тѣмъ она, Русланъ,
 Косилась помными глазами;
 И между тѣмъ за мой кафшанъ
 Держалась пощими руками;
 И между тѣмъ — я обмиралъ,
 Опъ ужаса зажмурия очи;
 И вдругъ перпѣшь не спало мочи;
 Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.
 Она во слѣдъ: „о недоспойный!
 Ты возмушилъ мой вѣкъ спокойный,
 Невинной дѣвы ясны дни!
 Добился ты любви Наины,
 И презираешь — вопъ мущины!
 Измѣной дышупъ всѣ они!
 Увы! сама себя вини;
 Онъ обольспилъ меня, несчастной!
 Я опдалась любви спраспной. . . .
 Измѣнникъ! извергъ! о позоръ!
 Но шрепещи, дѣвичій воръ!“

Такъ мы распались. Съ эспихъ поръ
 Живу въ моемъ уединеньѣ

Съ разочарованной душой;
 И въ міръ сшарцу ушъшенье
 Природа, мудросшь и покой.
 Уже зовешъ меня могила,
 Но чувсшва прежнія свои
 Еще сшарушка не забыла,
 И пламя позднее любви
 Съ досады въ злобу превршила.
 Душою черной зло любя,
 Колдунья сшарая конечно
 Возненавидишь и шебя;
 Но горе на земль не вьчно.“ —

Нашъ вишнязь съ жадносшью внималъ
 Разсказы сшарца; ясны очи
 Дремошой легкой не смыкаль,
 И шихаго полеша ночи
 Въ глубокой думь не слыхалъ.
 Но день блисшаетъ лучезарный....
 Со вздохомъ вишнязь благодарный
 Объемлешъ сшарца колдуна;
 Душа надеждою полна;
 Выходишь вонь. Ногами списнуль
 Русланъ заржавшаго коня;
 Въ сьдль оправился, присвиснуль:

„Опець мой, не оставь меня!“ —
И скачешь по пусшому лугу.
Съдой мудрецъ младому другу
Кричишь вослѣдъ: „счастливыи путь!
Проспи! люби свою супругу,
Совѣшовъ старца не забудь!“

**РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,
ПѢСНЬ ВТОРАЯ.**

Соперники въ искусствѣ брани,
Не знайте мира межъ собой;
Несите мрачной славѣ дани,
И упивайшесь враждой!
Пусть мiръ предъ вами цепенѣетъ,
Дивясь грознымъ поржесшвамъ:
Никто объ васъ не пожалѣетъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другаго рода,
Вы, рыцари Парнасскихъ горъ,
Спарайшесь не смѣшите народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
Бранишесь — только ошорожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно!
Повѣрьте мнѣ, друзья мои,
Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено,
Топь будетъ миль на зло вселенной;
Сердитесь глупо и грѣшно.
Ужели Богъ намъ далъ одно

•

Въ подлунномъ мѣрѣ наслажденье?
 Вамъ оспаюшся въ ушѣшенье
 Война и Музы и вино.

Когда Рогдай неукротимый,
 Глухимъ предчувствіемъ помимый,
 Оставя спутниковъ своихъ,
 Пусшился въ край уединенный
 И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
 Въ глубоку думу погруженный —
 Злой духъ превожилъ и смущалъ
 Его поскоющую душу,
 И выпязъ пасмурный шепталъ:
 „Убью!.... преграды всѣ разрушу....
 Русланъ!.... узнаешь ты меня....
 Теперь-то дѣвица поплачешь....“
 И вдругъ, поворошивъ коня,
 Во весь опоръ назадъ онъ скачешъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
 Все упрю сладко подремавъ,
 Укрывшись опъ лучей полдневныхъ,
 У ручейка, наединъ,
 Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
 Обѣдалъ въ мирной тишинѣ.

Какъ вдругъ, онъ видишь, кшо-шо въ полѣ
Какъ буря, мчишься на конѣ;
И времени не спрашя болѣ,
Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло — и безъ оглядки
Лешишь — а пошь за нимъ во слѣдъ.
„Оспановись, бѣглець безчеспный!
Кричишь Фарлафу неизвѣспный.
Презрѣнный! дай себя догнашь!
Дай голову съ шебя сорвать!“
Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со спраха скорчась, обмиралъ;
И вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быспрѣ гналъ.
Такъ почно заяць шоропливой,
Прижавши уши боязливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчишься ошо пса.
На мѣспѣ славнаго побѣга
Весной расшопленнаго снѣга
Пошоки мушныя шекли
И рыли влажну грудь земли.
Ко рву примчался конь решивой,
Взмахнулъ хвощомъ и бѣдой гривой,

Бразды спальные закусили,
 Взылся — и вмигъ перескочилъ ;
 Но робкій всадникъ вверху ногами
 Свалился шпяко въ грязный ровъ ,
 Земли не взвидѣлъ съ небесами ,
 И смерть принявъ ужь былъ гошовъ ,
 Рогдай къ оврагу подлешаешь ;
 Жестокой мечъ ужь занесень ;
 Погибни , прусь ! умри ! въщаешь
 Вдругъ узнаешь Фарлафа онъ ;
 Глядишь , и руки опустились ;
 Досада , изумленье , гнѣвъ
 Въ его черпахъ изобразились ;
 Скрыпя зубами , онѣмѣвъ ,
 Герой съ поникшею главою
 Скорѣй опѣхавши онъ рва ,
 Бѣсился но едва , едва
 Самъ не смѣлся надъ собою .

Тогда онъ встрѣшилъ подь горой
 Спарушечку чуть чуть живую ,
 Горбачую , совсѣмъ съдую .
 Она дрожащею клюкой
 Ему на сѣверь указала .
 Ты шамъ найдешь его , сказала ,

Рогдай весельемъ закипѣлъ
И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву оспался,
Дохнушь не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: живъ-ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышишь прямо надъ собой
Спарухи голосъ гробовой:
„Вспань, молодець; все шихо въ полъ;
„Ты никого не встрѣпишь болъ;
„Я привела тебѣ коня,
„Вспавай, послушайся меня.“

Смущенный вишязь по неволѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окресность робко озирая,
Вздохнулъ, и молвилъ оживая:
„Ну слава Богу! я здоровъ!“

„Повѣрь! спаруха продолжала:
„Людмилу мудрено сыскашь;
„Она далеко забѣжала;
„Не намъ съ шобой ее досташь.
„Опасно разѣзжашь по свѣшу;

„Ты, право, будешь самъ не радъ.
 „Послѣдуй моему совѣшу,
 „Спупай пихохонько назадъ.
 „Подъ Кіевомъ, въ уединеньѣ,
 „Въ своемъ наслѣдшвенномъ селеньѣ
 „Останься лучше безъ заботъ:
 „Опъ насъ Людмила не уйдѣшь.“ —

Сказавъ, исчезла. Въ неперпѣньѣ
 Благоразумный нашъ Герой
 Топчасъ опправился домой,
 Сердечно позабывъ о славѣ
 И даже о Княжнѣ младой;
 И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
 Полешъ синицы, ролопъ водъ
 Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ шѣмъ Русланъ далеко мчишся,
 Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
 Привычной думою спремился
 Къ Людмилѣ, радости своей,
 И говоришь: найду ли друга?
 „Гдѣ ты, души моей супруга?
 „Увижу ль я швой свѣшлый взоръ?
 „Услышу ль нѣжный разговоръ!

„Иль суждено, чшобъ чародѣя
 „Ты вѣчной плѣнницей была,
 „И скорбной дѣвою спарѣя,
 „Въ шемницѣ мрачной ошцвѣла?
 „Или соперникъ дерзновенный
 „Придешь?... Нѣшь, нѣшь, мой другъ безцѣнный,
 „Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
 „Еще глава не пала съ плечъ.“

Однажды, шемною порою,
 По камнямъ берегомъ крупнымъ
 Нашъ вишязь ѣхаль надъ рѣкою.
 Все ушихало. Вдругъ за нимъ
 Спрѣлы мгновенное жужжанье,
 Кольчуги звонъ и крикъ и ржанье
 И попошь по полю глухой.
 Спой! грянулъ голосъ громовой.
 Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ
 Поднявъ копьѣ, лепишь со свисомъ
 Свирѣпый всадникъ, и грозой
 Помчался Князь ему на встрѣчу.
 „Ага! догналъ тебя! поспой!“
 Кричишь наѣздникъ удалой:
 „Гопшovsky, другъ на смершну съчу;
 „Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣспъ;

„А шамъ ищи своихъ невѣспъ.“

Русланъ вспыласть, вздрогнулъ опъ гнѣва;
Онъ узнаешъ сей буйный гласъ

Друзья мои! а наша дѣва?

Оставимъ вишязей на часъ;
Объ нихъ опяшь я вспомню вскорѣ.
А шо давно пора бы мнѣ
Подумашъ о молодой Княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой Мечты
Наперсникъ иногда нескромной,
Я разказаль, какъ ночью шѣмной
Людмилы нѣжной красопы
Опъ воспаленнаго Руслана
Сокрылись вдругъ среди шумана.
Несчастливая! когда злодѣй,
Рукою мощною своей
Тебя сорвавъ съ поспели брачной,
Взвился, какъ вихорь, къ облакамъ
Сквозь шяжкій дымъ и воздухъ мрачной,
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ —
Ты чувшвъ и памяши лишилась
И въ спрашномъ замкѣ колдуна

Безмолвна, препепна, блѣдна,
Въ одно мгновенье очупилась.

Съ порога хижины моей
Такъ видѣль я, средь лѣшнихъ дней,
Когда за курицей прусливой
Сулпанъ куряшника спѣсивой,
Пѣшухъ мой по двору бѣжалъ
И сладоспрасшными крылами
Уже подругу обнималъ;
Надъ ними хипрыми крутами
Цыпляшъ селенья спарый воръ,
Пріавъ губительныя мѣры,
Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
И палъ какъ молнія на дворъ.
Взвился, лепишъ. Въ когтяхъ ужасныхъ
Во шьму разсѣлинь безопасныхъ
Уносишъ бѣдную злодѣй.
Напрасно, горестью своей
И хладнымъ спрахомъ пораженный,
Зовешъ любовницу пѣшухъ . . .
Онъ видишъ лишъ лешучій пухъ,
Лешучимъ въшромъ занесенный,
До упра юная Княжна
Лежала, шягосшнымъ забвеньемъ

Какъ будто страшнымъ сновидѣньемъ
Объяша — наконецъ она
Очнулась, пламеннымъ волненьемъ
И смутнымъ ужасомъ полна,
Душой лепишь за наслажденьемъ,
Кого-то ищешь съ упоеньемъ;
Гдѣ жъ милый, шепчешь, гдѣ супругъ!
Зовешь и помершвѣла вдругъ.
Глядишь съ боязню вокругъ:
Людмила! гдѣ швоя свѣплица?
Гдѣ ложе радости молодой?
Одна, съ ужасной пишиной
Лежишь несчастная дѣвица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнью балдахина;
Завѣсы, пышная перина
Въ кисняхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду шкани парчевыя;
Играюшь яхонты, какъ жарь;
Кругомъ курильницы злашья
Подъемлюшь аромашный парь;
Вездѣ но благо мнѣ не надо
Описывать волшебный домъ:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила въ шомъ.

Но свѣпмый перемь — не опрада,
Когда не видимь друга въ нѣмь.
Вы знаете, чпо наша дѣва
Была одѣша въ эшу ночь,
По обшояпельспвамь, шочь въ шочь
Какъ наша прабабушка Ева. —
Нарядь невинный и просшой!
Нарядь Амура и природы!
Какъ жаль, чпо вышель онь изъ моды!
Предь изумленной Княжной
Три дѣвы, красоты чудесной,
Въ одеждѣ легкой и прелестной
Явились, молча подошли,
И поклонились до земли.
Тогда — неслышными шагами
Одна поближе подошла;
Княжнѣ воздушными перспами
Злашую косу заплела
Сь искусствомь, въ наши дни не новымь,
И обвила вѣнцомь перловымь
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взорь склоняя,
Пошомь приблизилась другая;
Лазурный, пышный сарафань
Одѣль Людмилы спройный спань,

Покрылись кудри золошья,
И грудь и плечи молодья
Фашой, прозрачной какъ шумань.
Покровъ зависпливый лобзаешъ
Красы, доспойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаешъ
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаешъ.
Межъ шѣмъ, незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поешъ.
Увы! ни камни, ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни леспи и веселья
Ея души не веселяшъ;
Напрасно зеркало рисуешъ
Ея красы, ея нарядъ;
Пошупя неподвижный взглядъ,
Она молчишъ, она шоскуешъ.

Тѣ, кои правду возлюбя
На шемномъ сердца днѣ чипали,
Конечно знаютъ про себя,
Чпо если женщина въ печали
Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудь

На зло привычекъ и разсудку,
 Забудешь въ зеркало взглянушь —
 То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вопшь Людмила вновь одна.
 Не зная что начашь, она
 Къ окну рѣшешчапу подходишь,
 И взоръ ея печально бродишь
 Въ пространствѣ пасмурной дали.
 Все мертво. Снѣжныя равнины
 Коврами яркими легли;
 Спояшь угрюмыхъ горъ вершины
 Въ однообразной бѣлизнѣ,
 И дремлюшь въ вѣчной тишинѣ;
 Кругомъ не видно дымной кровли,
 Не видно пушника въ снѣгахъ,
 И звонкій рогъ веселой ловли
 Въ пустынныхъ не прубишь горахъ;
 Лишь изрѣдка съ унылымъ свисомъ
 Буншуетъ вихоръ въ полѣ чистомъ,
 И на краю съдыхъ небесъ
 Качаешь обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ опчаянья, Людмила
 Опъ ужаса лице закрыла.

Увы! что ждетъ ее теперь?
Бѣжишь въ серебрянную дверь;
Она съ музыкой опворилась,
И наша дѣва очутилась
Въ саду. Пльнишельный предѣль!
Прекраснѣе садовъ Армиды
И пѣхъ, кошорыми владѣль
Царь Соломонъ, иль Князь Тавриды!
Роскошно зыблюшся, шумяшъ
Великолѣпныя дубровы;
Аллеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миршовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотыя апедьсины
Зерцаломъ водъ опражены;
Пригорки, роци и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой въспеша въперъ Майскій
Средь очарованныхъ полей;
И свищешъ соловей Кишайскій
Во мракъ препепныхъ въпвей;
Лешяшъ алмазные фоншаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними блещущъ испуканы,
И мнишся, живы; Фидій самъ

Пишомецъ Феба и Паллады,
 Любуясь ими, наконецъ
 Свой очарованный рѣзецъ
 Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
 Дробясь о мраморны преграды,
 Жемчужной, огненной дугой
 Валясь, плещущъ водопады;
 И ручейки въ шѣни лѣсной
 Чуть вьюсь сонною волной.
 Приющъ покоя и пролады,
 Сквозь вѣчну зелень здѣсь и шамъ
 Мелькающъ свѣшлыя бесѣдки;
 Повсюду розъ живыя вѣтки
 Цвѣшущъ и дышущъ по пропамъ,
 Усыяннмъ пескомъ алмазнымъ;
 Игривымъ и разнообразнымъ
 Волшебствомъ дивный садъ блеститъ.
 Но безушная Людмила
 Идешъ, идешъ и не глядишь;
 Ей роскошь свѣшлая поспыла,
 Ей грушенъ нѣги пышной видъ;
 Куда, сама не зная, бродишь,
 Волшебный садъ кругомъ обходишь,
 Свободу горькимъ давъ слезамъ,
 И взоры мрачныя возводишь

Къ неумолимымъ небесамъ.
 Вдругъ освѣтился взоръ прекрасный;
 Къ ушамъ она прижала перспъ;
 Казалось, умысль ужасный
 Раждался. спрашивъи пушь опверспъ:
 Высокій моспикъ надъ попокомъ
 Предъ ней висипъ на двухъ скалахъ;
 Въ унынѣ ппаккомъ и глубокомъ
 Она подходишь — и въ слезахъ
 На воды шумныя взглянула,
 Ударила, рыдая, въ грудь,
 Въ волнахъ рѣшилась ушопушь —
 Однако въ воды не прыгнула
 И даль продолжала пушь.

О люди, спранныя созданья!
 Межь пѣмъ, какъ ппаяккiя сппрананья
 Тревожашъ, убивающъ васъ,
 Обѣда лишь насшупипшь часъ —
 И вмигъ вамъ жалобно доносишь
 Пусшой желудокъ о себѣ,
 И имъ заняпшь пайно просипшь.
 Чшо скажемъ о пшакой судьбѣ?

И пшы, прекрасная Людмила,
 По солнцу бѣгая съ ушпра,

Успала, слёзы осушила,
 Въ душѣ подумала: пора!
 На правку съла, оглянулась —
 И вдругъ надъ нею сънь шапра,
 Шумя, съ прохладой развернулась;
 Обѣдъ роскошной передъ ней;
 Приборъ изъ яркаго кристалла;
 И въ пишинѣ изъ за вѣшвей
 Незрима арфа заграла.
 Двишся плѣнная Княжна,
 Но вшайнѣ думаетъ она:
 „Вдали ошъ милаго, въ неволѣ
 Зачѣмъ мнѣ жить на свѣшъ боль?
 О пы, чья гибельная спрасъ
 Меня шерзаетъ и лелѣетъ,
 Мнѣ не спрашна злодѣя власъ:
 Людмила умеретъ умѣетъ!
 Не нужно мнѣ швоихъ шапровъ,
 Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ —
 Не спану ѣстъ, не буду слушашъ,
 Умру среди швоихъ садовъ! —“
 Подумала — и спала кушашъ.

Княжна вспаетъ, и вмигъ шапёръ,
 И пышной роскоши приборъ

✱

И звуки арфы все пропало;
По прежнему все тихо спало;
Людмила вновь одна въ садахъ
Скипаетъ изъ роши въ роши;
Межъ шѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
Плывешь луна, царица ноши;
Находитъ мгла со всѣхъ спорокъ
И тихо на холмахъ почилъ;
Князю невольно клонилъ сонъ,
И вдругъ невѣдомая сила
Нѣжкій, чѣмъ вешній въперокъ,
Ее на воздухъ поднимаетъ,
Несетъ по воздуху въ черпогъ,
И оспорожно опускаетъ
Сквозь ошміамъ вечернихъ розъ
На ложе грусти, ложе слѣзъ.
Три дѣвы вмигъ опять явились
И вокругъ ее засуетились,
Чтобъ на ночь пышный снятъ уборъ;
Но ихъ унылый, смущенный взоръ
И принужденное молчанье
Являли вѣщанье сосраданье
И немощный судьбамъ укоръ.
Но поспѣшимъ: рукой ихъ нѣжной
Раздѣша сонная Княжна;

Прелестна прелестью небрежной,
 Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
 Ложился почивашь она.
 Со вздохомъ дѣвы поклонились,
 Скорѣй какъ можно удалились,
 И шихо пришворили дверь.
 Чшо жъ наша плѣнница шеперь!
 Дрожишь какъ листь, дохнушь не смѣешь;
 Хладѣюнь перси, взоръ шемнѣешь;
 Мгновенный сонъ опъ глазъ бѣжишь;
 Не спишь, удвоила вниманье,
 Недвижно въ шемношу глядишь....
 Все мрачно! мершвое молчанье!
 Лишь сердца слышишь прешешанье....
 И мнился.... шепчешь пишина;
 Идушь — идушь къ ея постель;
 Въ подушки прячешься Княжна —
 И вдругъ... о спрахъ!.. и въ самомъ дѣлѣ
 Раздался шумъ; озарена
 Мгновеннымъ блескомъ пѣма ночная,
 Мгновенно дверь опворена;
 Безмолвно, гордо вышупая,
 Нагими саблями сверкая,
 Араповъ длинный рядъ идешь
 Попарно, чинно сколь возможно,

И на подушкахъ осторожно
Съдую бороду несепць;
И входипшь съ важносью за нею,
Подъявъ величешвенно шею,
Горбашый карликъ изъ дверей:
Его-шо головъ обришой
И оспрой шапкою покрышой
Принадлежала борода.
Ужь онъ приближился: шогда
Княжна съ постели соскочила,
Съдаго карлу за колпакъ
Рукою быспрой ухватила,
Дрожащій подняла кулакъ,
И въ спрахъ завизжала шакъ,
Чшо всъхъ какъ громомъ оглушила,
Трепеща, скорчился бѣднякъ,
Княжны испуганной блѣднѣе;
Зажавши уши поскорѣе,
Хопъль бѣжашъ, и въ бородѣ
Запушался, упаль и бѣшся;
Вешаецъ, упаль; въ шакой бѣдѣ
Араповъ черныи рой мяшешся;
Шумяцъ, шолкающся, бѣгушь,
Хвашающъ колдуна въ охапку,

И вонъ распушываешь несущъ,
Оспавя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый випязь нашъ?
Вы помнише ль неждану встрѣчу?
Бери свой быспрый карандашъ,
Рисуй, Орловскій, ночь и съчу!
При свѣпъ препешномъ луны,
Сразились випязи жестоко;
Сердца ихъ гнѣвомъ спѣснены,
Ужъ копыя брошены далѣко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрышы,
Щипы прещашъ, въ куски разбишы
Они схвапились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются,
Борцы, недвижно сплешсны,
Другъ друга списнувъ, оспаюшся,
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
Ихъ члены злобой сведены;
Обьяшы молча, кошенѣюшь,
По жиламъ быспрый огонь бѣжишь,
На вражьей груди грудь дрожишь —
И вопъ колеблюшся, слабѣюшь —

Кому-то пасшь! вдругъ вишязь мой,
 Вскипъвъ, желъзною рукой
 Съ сѣдла наѣздника срываешь,
 Подъемлень, держишь надъ собой
 И въ волны съ берега бросаешь.
 Погибни! грозно возклицаешь;
 Умри, зависникъ злобный мой!

Ты догадался, мой чипашель,
 Съ кѣмъ бился доблешный Русланъ:
 То былъ кровавыхъ бишвъ искашель
 Рогдай, надежда Кіевлянъ,
 Людмилы мрачный обожашель.
 Онъ вдоль Днѣпровскихъ береговъ
 Искаль соперника слѣдовъ;
 Нашель, насшигъ, но прежня сила
 Пишомцу бишвы измѣнида,
 И Руси древній удалецъ
 Въ пущынь свой нашель конецъ,
 И слышно было, что Рогдая
 Тѣхъ водъ Русалка молодая
 На хладны перси приняла,
 И жадно вишязя лобзая,
 На дно со смѣхомъ увлекла.

И долго послѣ, ночью шѣмной,
Бродя близъ тихихъ береговъ,
Богашыря призракъ огромной
Пугаль пуспынныхъ рыбаковъ.

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

**Напрасно вы въ нѣни панлись
Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
Спиши мой! вы не сокрылись
Ощъ гнѣвныхъ зависпи очей;
Ужъ блѣдный крипикъ ей въ услугу,
Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
Зачѣмъ Русланову подругу,
Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
Зову и дѣвой и Княжной?
Ты видишь, добрый мой чипашель,
Тушь злобы черную печашь!
Скажи, Зоиль, скажи, предашель,
Ну какъ и что мнѣ ошвѣчашь?
Краснѣй, несчастный, Богъ съ побою!
Краснѣй, я спорить не хочу;
Довольный шѣмъ, что правъ душою,
Въ смиренной крошоспи молчу.
Но ты поймешь меня, Климена,
Потупишь томные глаза:
Ты жершва скучнаго Гимена
Я вижу: тайная слеза**

Падешъ на стихъ мой, сердцу вяшный;
 Ты покраснѣла; взоръ погасъ;
 Вздохнула, молча вздохъ поняшный!
 Ревнивецъ! бойся! близокъ часъ;
 Амуръ съ Досадою своенравной
 Вспушили въ смѣлый заговоръ,
 И для главы швоей безславной
 Гошовъ ужъ мспишельный уборъ.

Ужь упрю хладное сіяло
 На шемъ полунощныхъ горъ;
 Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
 Въ досадѣ скрышой Черноморъ,
 Безъ шапки, въ ушреннемъ халатѣ,
 Зъваль сердито на кровати.
 Вокругъ браны его съдой
 Рабы полпились молчаливы,
 И нѣжно гребень коспяной
 Расчесываль ея извивы;
 Межъ шѣмъ, для пользы и красы,
 На безконечные усы
 Лились восточны ароматы,
 И кудри хипрыя вились;
 Какъ вдругъ, опкуда ни возмись,
 Въ окно влешаетъ змій крылашый;

Гремя желѣзной чешуѣй,
 Онъ въ кольца быспрыя согнулся,
 И вдругъ Наинной обернулся
 Предъ изумленною шолпой.
 — „Привѣшшвую шебя, сказала,
 Собрапъ, издавна чшимый мной!
 Досель я Черномора знала
 Одною громкою молвой;
 Но шайный рокъ соединяешъ
 Теперь насъ общею враждой;
 Тебъ опасность угрожаетъ,
 Нависла шуча надъ шобой;
 И голосъ оскорбленной чеспи
 Меня къ опмщенію зовешъ.“ —

Со взоромъ, полнымъ хипрой лешпи,
 Ей карло руку подаешъ.
 Въщая: „дивная Наина!
 Мнѣ драгоцѣненъ швой союзъ.
 Мы посрашимъ коварштво Фина;
 Но мрачныхъ козней не боюсь:
 Прошивникъ слабый мнѣ не спрашенъ;
 Узнай чудесный жребій мой:
 Сей благодашной бородой
 Не даромъ Черноморъ украшенъ.

Доколь власовъ ея съдыхъ
 Враждебный мечъ не перерубишь,
 Никшо изъ выпязей лихихъ,
 Никшо изъ смершныхъ не погубишь
 Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
 Моею будешь вѣкъ Людмила,
 Русланъ же гробу обречёнъ!“ —
 И мрачно вѣдьма повшорила:
 „Погибнешъ онъ! погибнешъ онъ!“
 Пошомъ при раза прошипѣла,
 Три раза погнула ногой,
 И чернымъ змѣемъ улешѣла.

Блистая въ ризѣ парчевой,
 Колдунъ, колдуньей ободренной,
 Развеселясь, рѣшился вновь
 Несши къ ногамъ дѣвицы плѣнной
 Усы, покорность и любовь.
 Разряженъ карликъ бородашый,
 Опяшь идетъ въ ея палашы;
 Проходишь длинный комнашь рядъ; —
 Княжны въ нихъ нѣшь! онъ далъ, въ садъ,
 Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшешкѣ сада,
 Вдоль озера, вкругъ водопада,
 Подъ мосшики, въ бесѣдки... нѣшь!

Княжна ушла! пропала и слѣды!
 Кто выразишь его смущенье,
 И ревъ и шрепешъ изсупленья?
 Съ досады дня не взвидѣль онъ.
 Раздался карлы дикій спонъ:
 „Сюда, невольники! бѣгите
 Сюда! надѣюсь я на васъ!
 Сей часъ Людмилу мнѣ сыщите!
 Скорѣе! слышите ль? сей часъ!
 Не то — шумите вы со мною —
 Всѣхъ удавлю васъ бородою!“

Чипашель, расскажу ль тебѣ
 Куда красавица дѣвалась? —
 Всю ночь она своей судьбѣ
 Въ слезахъ дивилась и — смѣялась.
 Ее пугала борода,
 Но Черноморь ужь былъ извѣспенъ,
 И былъ смѣшонъ, а никогда
 Со смѣхомъ ужась несомѣспенъ.
 На встрѣчу упреннымъ лучамъ
 Поспѣль оставила Людмила,
 И взоръ невольный обратила
 Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
 Невольно кудри золопыя

Съ лилейныхъ плечь приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла;
Вздохнувъ, одѣлась и съ досады
Тихонько плакать начала;
Однако съ вѣрнаго спекла
Вздыхая не сводила взора,
И дѣвицѣ пришло на умъ,
Въ волненьи своенравныхъ думъ,
Примѣришь шапку Черномора.
Все тихо; никого здѣсь нѣтъ;
Никто на дѣвушку не взглянетъ...
А дѣвущкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не приспанешь!
Рядишься никогда не лѣтъ:
Людмила шапкой завершѣла;
На брови; прямо; на бекрень,
И задомъ на передъ надѣла.
И что жъ? о чудо старыхъ дней!
Людмила въ зеркалѣ пропала!
Перевернула — передъ ней
Людмила прежняя предстала!
Назадъ надѣла, — снова нѣтъ!

Сняла — и въ зеркаль! „Прекрасно!
 Добро, колдунь! добро, мой свѣтъ!
 Теперь мнѣ здѣсь ужь безопасно,
 Теперь избавлюсь ошь хлопощь!“
 И шапку спараго злодѣя
 Княжна, ошь радости краснѣя,
 Надѣла задомъ на перѣдъ.

Но возвратимся же къ герою.
 Не спешно ль занимаешься намъ
 Такъ долго шапкой, бородою,
 Руслана поруча судьбамъ?
 Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокий,
 Провхаль онъ дремучій лѣсъ,
 Предъ нимъ ошкрылся доль широкій,
 При блескъ ушренныхъ небесъ.
 Трепещешь вышязь по неволь:
 Онъ видишь спарой биввы поле.
 Вдали все пусто; здѣсь и шамъ
 Желшьюшь косши; по холмамъ
 Разбросаны колчаны, лапы;
 Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щипъ;
 Въ коспяхъ руки здѣсь мечъ лежишь;
 Травой обросъ шамъ шлемъ космашый
 И старый черепъ плѣлеть въ немъ;

*

Богапыря памь оставь цѣлый
 Съ его поверженнымъ конемъ
 Лежишь недвижимъ; копыа, спрѣлы
 Въ сырую землю вонзены,
 И мирный плющъ ихъ обвиваетъ....
 Ничто безмолвной пишины
 Пущыни сей не возмущаетъ,
 И солнце съ ясной вышины
 Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ випязь вокругъ себя
 Взираешь грустными очами.
 „О поле, поле! кто тебя
 Усыяль мершвыми косыями?
 Чей борзый конь тебя пощаль
 Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
 Кто на тебѣ ео славой палъ?
 Чьи небо слышало молитвы?
 Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
 И поросло правой забвенья?.....
 Время опъ вѣчной тѣмноты,
 Бышь можешь, нѣтъ и мнѣ спасенья!
 Бышь можешь на холмѣ нѣмомъ
 Пославяпъ тихій гробъ Руслановъ,

И спруны громкія Баяновъ
 Не будешьъ говоришь объ нёмъ!“

Но вкорѣ вспомнилъ вишязь мой,
 Чшо добрый мечъ герою нуженъ
 И даже панцырь, а герой
 Съ послѣдней бишвы безоруженъ.
 Обходишь поле онъ вокругъ;
 Въ кустахъ, среди коспей забвенныхъ,
 Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
 Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
 Себѣ доспѣховъ ищеть онъ.
 Проснулись гуль и шепеть нѣмая,
 Поднялся въ полѣ шрескъ и звонъ;
 Онъ поднялъ щипъ, не выбирая,
 Нашель и шлемъ и звонкій рогъ;
 Но лишь меча сыскашь не могъ.
 Долину брани объѣзжая,
 Онъ видишь множество мечей,
 Но всѣ легки да слишкомъ малы,
 А Князь красавецъ былъ не вялый,
 Не шо, чшо вишязь нашихъ дней.
 Чшобъ чѣмъ нибудь играшь опъ скуки
 Копье спальное взялъ онъ въ руки,

Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
И далѣе пустился въ пушь.

Ужь поблѣднѣлъ закашъ румяный
Надъ усыпленною землей;
Дымяшся синіе шуманы
И всходишь мѣсяцъ золошой;
Померкла спесь. Тропою тѣмной
Задумчивъ ѣдешь нашъ Русланъ,
И видишь: сквозь ночной шуманъ
Вдали чернѣешь холмъ огромной
И что-то спрашное хранишь.
Онъ ближе къ холму, ближе — слышишь:
Чудесный холмъ какъ будто дышишь,
Русланъ внимаешь и глядишь
Безшрепешно, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожишь,
Трясешь упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ шуманъ блѣдно озарясь,
Яснѣешь; смотришь храбрый Князь —
И чудо видишь предъ собою.
Найду ли краски и слова?

Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объяпы;
Храпашъ, качая шлемъ пернашый,
И перья въ шемной высопъ,
Какъ пѣни, ходяшъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красопѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни спорожь безымянной,
Руслану предшоишъ она
Громадой грозной и шуманной.
Въ недоумѣннхъ хочешъ онъ
Таиншвенный разрушишъ сонъ.
Вблизи осмапривая диво,
Обвѣхаль голову кругомъ,
И спашъ предъ носомъ молчаливо;
Щекошишъ ноздри коніемъ,
И, сморщась, голова зввнула,
Глаза опкрыла и чихнула
Поднялся вихоръ, степь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слепѣла спая совъ;
Проснулись роци молчаливы,
Чихнуло эхо — конь репивый
Заржалъ, запрыгалъ, оплепѣлъ,

Едва самъ випязь усидѣлъ
 И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
 „Куда ты, випязь неразумный?
 Спупай назадъ; я не шучу!
 Какъ разъ нахала проглочу!“
 Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
 Браздами удержалъ коня,
 И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
 „Чего ты хочешь опъ меня?
 Нахмурясь голова вскричала,
 „Вошь гостя мнѣ судьба послала!
 „Послушай, убирайся прочь!
 „Я спать хочу, шеперь ужь ночь,
 „Прощай!“ — Но випязь знаменишой,
 Услыша грубыя слова,
 Воскликнулъ съ важностью сердишой:
 — „Молчи, пусная голова!
 Слыхаль я испину бывало:
 Хошь лобъ широкъ, да мозгу мало!
 Я ѣду, ѣду, не свищу,
 А какъ наѣду, не спущу!“ —

Тогда, опъ ярости нѣмѣя,
 Сшѣсенной злобой пламенѣя,
 Надулась голова! какъ жаръ

Кровавы очи засверкали;
Напѣнясь губы задрожали;
Изъ успѣ, ушей поднялся парь —
И вдругъ она, чшо было мочи,
На встрѣчу Князю спала душъ;
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, нашужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ пушъ;
Объяпый спрахомъ, ослѣпленный,
Онъ мчипся вновь, изнеможенный,
Далече въ полѣ ошдохнушъ.
Вновь обратишья випязь хочешъ —
Вновь опраженъ, надежды нѣшъ!
А голова ему вослѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочешъ,
Гремишъ: „Ай, випязь! Ай, герой!
„Куда шы? пише! пише! спой!
„О випязь! шею сломишь даромъ;
„Не шруеш, наѣздникъ, и меня
„Порадуй хопъ однимъ ударомъ,
„Пока не заморилъ коня.“
И между пѣмъ она героя
Дразнила спрашнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,

Грозить ей молча копьем,
Трясешь его рукой свободной,
И задрожавь булашь холодной
Вонзился въ дерзоспный языкъ.
И кровь изъ бѣшенago зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ;
Опшъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минушу дерзоспи лишась,
На Князя голова глядѣла,
Жельзо грызла и блѣднѣла.
Въ спокойномъ духѣ горячась,
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой пишомецъ Мельпомены
Внезапнымъ свиспомъ оглушенъ;
Ужъ ничего не видишь онъ,
Блѣднѣешь, ролю забываешь,
Дрожишь, поникнувъ головой,
И заикаясь, умолкаешь
Передъ насмѣшливой полпой.
Счаспливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объяшой головѣ смущеньемъ
Какъ яспребъ богашыръ лешишь
Съ подьяшой, грозною десницей,
И въ щеку шаяжкой рукавицей
Съ размаха голову разишь;

И степь ударомъ огласилась;
Кругомъ росистая права
Кровавой пѣной обагрилась,
И зашапавшись, голова
Перевернулась, покашилась,
И шлемъ чугунный засшучаль,
Тогда на мѣстѣ опусшьломъ
Мечь богатырскій засверкаль,
Нашъ вишязь въ препещь веселомъ
Его схватилъ и къ головѣ
По окровавленной правѣ
Бѣжишь съ намѣреньемъ жестокимъ
Ей носъ и уши обрубилъ;
Уже Русланъ гошовъ разилъ,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
Вдругъ, изумленный, внемлешъ онъ
Главы молящей жалкій спонъ
И шихо мечь онъ опускаешъ,
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираешъ,
И мщенье бурное падешь
Въ душъ, моленьемъ усмиреной:
Такъ на долинь шаешъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженной.

„Ты вразумилъ меня, герой,
Со вздохомъ голова сказала:
Твоя десница доказала,
Что я виновень предъ побой;
Ошнынъ я шебъ послушенъ;
Но, вишязь, будь великодушень!
Доспоинъ плача жребій мой. —
И я былъ вишязь удалой!
Въ кровавыхъ бипвахъ супоспапа
Себъ я равнаго не зрѣлъ;
Счастливь, когда бы не имѣлъ
Соперникомъ меньшаго брата!
Коварный, злобный Черноморь,
Ты, пы всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
Семейства нашего позоръ,
Рожденный карломъ, съ бороною,
Мой дивный ростъ опъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣшь,
И спалъ за шо-въ душъ своей
Меня, жеспокій, ненавидѣшь,
Я былъ всегда немного прость,
Хотя высокъ; а сей несчастной,
Имья самый глупый росъ,
Умень какъ бѣсъ — и золь ужасно.
Припомъ же, знай, къ моей бѣдѣ,

Въ его чудесной бородѣ
 Таишся сила роковая,
 И все на свѣшъ презирая, —
 Доколь борода цѣла —
 Измѣнникъ не спрашишся зла.
 Вошь онъ однажды съ видомъ дружбы,
 Послушай, хитро мнѣ сказалъ,
 Не откажись опъ важной службы:
 Я въ черныхъ книгахъ опыскалъ,
 Чшо за воспочными горами
 На тихихъ моря берегахъ,
 Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
 Хранишся мечъ — и чшо же? спрахъ!
 Я разобралъ во шмѣ волшебной,
 Чшо волею судьбы враждебной
 Сей мечъ извѣсненъ будешъ намъ;
 Чшо насъ онъ обоихъ погубишъ:
 Мнѣ бороду мою опрубишъ,
 Тебѣ главу; суди же самъ,
 Сколь важно намъ приобрѣшенье
 Сего созданья злыхъ духовъ! —
 „Ну чшо же? гдѣ шупъ зашрудненье?
 Сказалъ я карлѣ, я гошовъ;
 Иду, хопъ за предѣлы свѣша.“
 И сосну на плечо взвалилъ,

А на другое для совѣша
Злодѣя брата посадилъ;
Пустился въ дальнюю дорогу,
Шагаль, шагаль и слава Богу,
Какъ бы пророчесству на зло,
Все счастливо съ начала шло.
За опдаленными горами
Нашли мы роковой подвалъ;
Я размешалъ его руками,
И пошаренный мечъ доспалъ.
Но нѣтъ! судьба того хопѣла:
Межъ нами ссора закипѣла —
И было, признаюсь, о чемъ!
Вопросъ: кому владѣшь мечемъ?
Я спорилъ, карло горячился;
Бранились долго; наконецъ
Уловку выдумалъ хипрець,
Пришихъ и будшо бы смягчился.
— Оспавимъ бесполезный споръ,
Сказалъ мнѣ важно Черноморъ:
Мы пѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
Разсудокъ въ мирѣ жишь велишь;
Судбѣ рѣшишь мы предоспавимъ,
Кому сей мечъ принадлежишь.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба,

(Чего не выдумаешь злоба!)
И кто услышит первый звонъ
Топь и владѣй мечемъ до гроба. —
Сказаль и легь на землю онъ.
Я съ дуру шакже расшянулся,
Лежу, не слышу ничего,
Смѣкая: обману его!
Но самъ жестоко обманудся.
Злодѣй въ глубокой пишинѣ,
Привспавъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся,
Какъ вихорь свиснулъ оспрый мечъ,
И прежде, чѣмъ я оглянулся,
Ужь голова слепѣла съ плечъ —
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ ошановила.
Мой ошавъ пернѣемъ обросъ,
Вдали, въ спранѣ, людьми забвенной,
Исплѣлъ мой прахъ непогребенной,
Но злобный карла перенёсь
Меня въ сей край уединенной,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ сперечь
Тобой сегодня взяпый мечъ.
О вишязь! шы хранимъ судьбою,
Возьми его, и Богъ съ шобою!

Бышь можешъ, на своемъ пуши
Ты карла чародѣя встрѣпишь —
Ахъ! если ты его замѣпишь,
Коварству, злобѣ опомси!
И наконецъ я счастливь буду,
Спокойно мѣръ оставлю сей —
И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду.“

**РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,
ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.**

Я каждый день, восплавъ ошъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не шакъ ужъ много.
Къ шому же — чешъ и слава имъ! —
Женишьбы наши безопасны . . .
Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ
Ихъ замыслы не шакъ ужасны.
Не правъ Фернейскій злой крикунъ !
Все къ лучшему : шеперь колдунъ
Иль магнетишмомъ лѣчишь бѣдныхъ
И дѣвушекъ худыхъ и блѣдныхъ,
Пророчишь, издаешъ журналъ —
Дѣла доспойныя похваль!
Но ешъ волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубыя
И голось милый — о друзья!
Не вѣрше имъ : они лукавы!
Спрашишесь, подражая мнѣ,

•

Ихъ упоительной отравы,
И почивайте въ пишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ паинспивенныхъ видѣній,
Любви, мечпаній и чершей,
Могиль и рая вѣрный жишель,
И Музы вѣщреной моей
Наперсникъ, пѣсшунъ и хранишель!
Просши мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣспи моей забавкой
Теперь во слѣдъ шебѣ лечу,
И лиру Музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы всѣ слышали,
Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
Предалъ сперва себя съ печали;
А шамъ и души дочерей;
Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ
Молишвой, вѣрой и посшомъ
И непришворнымъ покаяньемъ
Снискалъ засшупника въ Свяшомъ;
Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
Его двѣнадцать дочерей;
И насъ плѣнили, ужаснули

Карпины тайныхъ сихъ ночей,
 Си чудесныя видѣнья,
 Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
 Живыя грѣшника мученья
 И прелесть непорочныхъ дѣвъ;
 Мы съ ними плакали, бродили
 Вокругъ зубчатыхъ замка спѣнь,
 И сердцемъ пронушымъ любили
 Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнь;
 Душой Вадима призывали
 И пробужденъ зрѣли ихъ —
 И часто инокинь свяпыхъ
 На гробъ опцовскій провожали.
 И чшожь? возможно ль? намъ солгази!
 Дерзну ли испину въщашь?
 Дерзну ли ясно описашь
 Не монаспырь уединенный,
 Не робкихъ инокинь соборъ,
 Но шрепещу! въ душѣ смущенный,
 Дивлюсь — и пощупляю взоръ.

Младой Раимиръ, направя къ югу
 Неперпѣливый бѣгъ коня,
 Ужь думалъ предъ закапомъ дѣя
 Нагнашь Русланову супругу.

Но день багряный вечерѣль ;
 Напрасно вишязь предъ собою
 Въ шуманы дальніе смотрѣль :
 Все было пусто надъ рѣкою!
 Зари послѣдній лучъ горѣль
 Надъ ярко-позлащенымъ боромъ —
 Нашъ вишязь мимо черныхъ скалъ
 Тихонько проѣзжалъ и взоромъ
 Ночлега межъ деревь искалъ.
 Онъ на долину выѣзжаетъ,
 И видишь — замокъ на скалахъ
 Зубчаты спѣны возвышаетъ ;
 Чернѣютъ башни на углахъ ;
 И дѣва по спѣнѣ высокой,
 Какъ въ морѣ лебедь одинокой,
 Идетъ, зарей освѣщена ;
 И дѣвы пѣснь едва слышна
 Долины въ пишинѣ глубокой.

„Ложися въ полѣ мракъ ночной,
 Опъ волнъ поднялся въперъ хладный —
 Ужь поздно, пупникъ молодой!
 Укройся въ шеремъ нашъ опрадный,

„Здѣсь ночью нѣга и покой,
 А днемъ и шумъ и пированье —

Приди на дружное призванье,
 Приди, о пупникъ молодой!

„У насъ найдешь красавицъ рой;
 Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье —
 Приди на шайное призванье,
 Приди, о пупникъ молодой!

„Тебѣ мы съ упренней зарѣй
 Наполнимъ кубокъ на прощанье —
 Приди на мирное призванье,
 Приди, о пупникъ молодой!

„Ложись въ полѣ мракъ ночной,
 Опъ волнъ поднялся вѣперъ хладный; —
 Ужь поздно, пупникъ молодой,
 Укройся въ шеремъ нашъ опрадный.“

Она манишь, она поешь —
 И юный Ханъ ужь подѣ спѣною;
 Его встрѣчаюшь у ворошь
 Дѣвицы красныя шолпою;
 При шумѣ ласковыхъ рѣчей
 Онъ окружень; съ него не сводяшь
 Онъ плѣнительныхъ очей;
 Двѣ дѣвицы коня уводяшь;
 Въ чертоги входяшь Ханъ молодой,

За нимъ опшелъницъ милыхъ рой;
Одна снимаешъ шлемъ крылапый,
Другая кованныя лапы,
Та мечъ берешъ, ша пыльный щипъ;
Одежда нѣги замѣнишь
Желѣзныя доспѣхи брани.
Но прежде юношу ведушь
Къ великолѣпной Руской бани;
Удѣ волны дымныя пекушь
Въ ея серебряныя чаны,
И брызжушь хладныя фоншаны;
Разосшланъ роскошью ковѣръ;
На немъ успалый Ханъ ложился;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубился;
Пощупя нѣги полный взоръ,
Прелесныя, полунагія,
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ Хана дѣвы молодыя
Тѣснящая рѣзвою толпой!
Надъ рыцаремъ иная машешъ
Вѣщвами молодыхъ березъ,
И жаръ опъ нихъ дунистый пашешъ;
Другая сокомъ вешнихъ розъ
Успалы члены прохлаждаешъ,
И въ ароматахъ пошопляешъ

Темнокудрявые власы.
 Воспоргомъ вишязь упоенной
 Уже забыль Людмилы пльнной
 Недавно милья красы;
 Томишся сладоспнымъ желаньемъ;
 Бродящій взоръ его блеспишь,
 И, полный спраспнымъ ожиданьемъ,
 Онъ шаепъ сердцемъ, онъ горипъ.

Но вопъ выходипъ онъ изъ бани.
 Одъпный въ бархашныя пкани,
 Въ кругу прелеспныхъ дъвъ, Рашмирь
 Садипся за богашпый пиръ.
 Я не Гомеръ: въ спихахъ высокихъ,
 Онъ можепъ воспъвапъ одинъ
 Обды Греческихъ дружинъ
 И звонъ и пъну чашъ глубокихъ.
 Миле, по слъдамъ Парни,
 Мнъ славипъ лирою небрежной
 И нагошу въ ночной шъни,
 И поцълуй любви нъжной!
 Луною замокъ озарёнъ;
 Я вижу шеремъ опдаленный,
 Гдъ вишязь помный, воспалинный
 Вкушаепъ одинокій сонъ;

Его чело, его ланишы
Мгновеннымъ пламенемъ горяшь;
Его уста полуоткрышы,
Лобзанье тайное маняшь;
Онъ спрашно, медленно вздыхаешь,
Онъ видишь ихъ — и въ пыломъ снѣ
Покровы къ сердцу прижимаешь.
Но вошь — въ глубокой тишинѣ
Дверь отворилась; полъ ревливой
Скрыпнѣть подъ ножкой поропливой,
И при серебряной лунѣ
Мелькнула дѣва; сны крылапы!
Сокройшесь, ошлелише прочь!
Проснись — швоя наспала ночь!
Проснися — дорогъ мигъ ушрапы! . . .
Она подходитъ, онъ лежишь,
И въ сладоспрашной нѣгѣ дремлешь;
Покровъ его съ одра скользишь,
И жаркой пухъ чело объемлешь;
Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
Сшоишь недвижно, бездыханна,
Какъ лицемѣрная Діана
Предъ милымъ паспыремъ своимъ;
И вошь она, на ложе Хана
Кольномъ опершишь однимъ,

Вздохнувъ, лице къ нему склоняешь
 Съ помянемъ, съ препеномъ живымъ,
 И сонъ счастливица прерываешь
 Лобзаньемъ спрасшнымъ и нѣмымъ

Но, други, дѣвственная лира
 Умолкла подъ моей рукой;
 Слабѣешь робкій голосъ мой —
 Оставимъ юнаго Рашмира;
 Не смѣю пѣсней продолжашъ:
 Русланъ насъ долженъ занимашъ,
 Русланъ, сей випязь безпримѣрный,
 Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.
 Упорнымъ боемъ упомянь,
 Подъ богатырской головою
 Онъ сладостный вкушаетъ сонъ,
 Но вопъ ужъ раннею зарёю
 Сіяешь пихій небосклонъ;
 Все ясно; ухра лучъ игривый
 Главы космашый лобъ зашипъ.
 Русланъ вспадаетъ, и конь репивый
 Ужъ випязя спрѣлою мчипъ.

И дни бѣгушъ; желшьюшъ нивы;
 Съ деревъ спадаешъ дряхлый лисшъ;

Въ лѣсахъ осенній въпра свистль
 Пѣвиць пернашыхъ заглушаешь;
 Тяжелый, пасмурный шумань,
 Нагіе холмы обвиваешь;
 Зима приближилась — Руслань
 Свой пупь опважно продолжаешь
 На дальный сѣверь; съ каждымъ днемъ
 Преграды новыя вспрѣчаешь:
 То бьешся онъ съ богашыремъ,
 Ть съ вѣдьмою, шо съ великаномъ,
 То лунной ночью видишь онъ,
 Какъ будшо сквозь волшебный сонъ,
 Окружены съдымъ шуманомъ,
 Русалки, на гуспыхъ вѣшвахъ
 Качаясь, випязя младова
 Съ улыбкой хипрой на усахъ
 Маняшь, не говоря ни слова . . .
 Но шайнымъ Промысломъ хранимъ,
 Безспрашный випязь невредимъ;
 Въ его душъ желанье дремлетъ,
 Онъ ихъ не видишь, имъ не внемлешь,
 Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между шѣмъ, никѣмъ незрима,
 Ошъ нападеній колдуна

Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаешь моя Княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляешь по садамъ,
О другъ мыслишь и вздыхаешь,
Иль, волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ родимымъ Кіевскимъ полямъ
Въ забвеньи сердца улетаешь;
Опца и братаевъ обнимаешь,
Подружекъ видишь молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ —
Забышы плѣнь и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная Княжна
Свое теряешь заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣшь не смѣя,
Межъ стѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,
Мешались, громко призывали,
Однако все по пуснякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда

Безъ шапки вдругъ она являлась,
И кликала: сюда! сюда!
И всѣ бросались къ ней полною;
Но въ спорону — незрима вдругъ —
Она неслышною споною
Опъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минушныя слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣшвахъ исчезали,
То капли ключевой воды
На лугъ измяшый упадали:
Тогда навѣрно въ замкъ знали
Что пьешъ иль кушаешъ Княжна.
На вѣшвахъ кедра иль берёзы
Скрываясь по ночамъ, она
Минушнаго искала сна —
Но только проливала слёзы,
Звала супруга и покой,
Томилась грусшью и зѣвопой,
И рѣдко, рѣдко предъ зарёй,
Склонясь ко древу головой,
Дремала шонкою дремопой;
Едва рѣдѣла ночи мгла
Людмила къ водопаду шла

Умышьяся хладною спруёю:
 Самъ карло упренней порою
 Однажды видѣль изъ палашь,
 Какъ подь невидимой рукою
 Плескаль и брызгаль водопадъ.
 Съ своей обычною поскою
 До новой ночи, здѣсь и памь,
 Она бродила по садамъ;
 Не рѣдко подь вечерь слыхали
 Ея пріяшный голосокъ;
 Не рѣдко въ рощахъ поднимали
 Иль ею брошенный вѣнокъ,
 Или клѣчки Персидской шали,
 Или заплаканный плашокъ.

Жесткою спраспью уязвленный,
 Досадою, злобой омраченный,
 Колдунъ рѣшился наконецъ
 Поймать Людмилу непременно.
 Такъ Лемноса хромой кузнецъ,
 Пріавъ супружескій вѣнецъ
 Изъ рукъ прелестной Цитереи,
 Раскинулъ съшь ея красамъ,
 Опкрывъ насмѣшливымъ богамъ
 Киприды нѣжныя зашьи

Скучая, бѣдная Княжна
 Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
 Сидѣла тихо близъ окна,
 И сквозь колеблемыя вѣпки
 Смогрѣла на цвѣшущій лугъ.
 Вдругъ слышишь — кличущъ: „милый другъ!“
 И видишь вѣрнаго Руслана.
 Его черны, походка, спань;
 Но блѣденъ онъ, въ очахъ шуманъ
 И на бедрѣ живая рана —
 Въ ней сердце дрогнуло. „Русланъ!
 Русланъ! . . . онъ точно!“ — И спрѣлою
 Къ супругу плѣнница лешипъ,
 Въ слезахъ, пререца, говоритъ:
 „Ты здѣсь!... ты раненъ!... что съ побою?“
 Уже достигла, обняла,
 О ужась! призракъ исчезаетъ!
 Княжна въ сѣняхъ; съ ея чела
 На землю шапка упадаетъ.
 Хладѣя, слышишь грозный крикъ:
 „Она моя!“ и въ пошъ же мигъ
 Зришь колдуна передъ очами.
 Раздался дѣвы жалкій спонъ,
 Падешъ безъ чувствъ — и дивный сонъ
 Объялъ несчастную крылами.

Что будешь съ бѣдною Княжною ?
 О страшный видъ! Волшебникъ хилый
 Ласкаешь сморщенной рукой
 Младья прелести Людмилы;
 Къ ея пльнишельнымъ успамъ
 Прильнувъ увядшими успами,
 Онъ, вопреки своимъ годамъ,
 Ужь мыслишь хладными шрудами
 Сорвашь сей нѣжный, шайный цвѣшь,
 Хранимый Лелемъ для другаго;
 Уже но бремя позднихъ лѣшь
 Тягчишь безспытника съдаго —
 Стоная, дряхлый чародѣй,
 Въ безсильной дерзости своей
 Предъ сонной дѣвой упадаешь;
 Въ немъ сердце ноешь, плачешь онъ,
 Но вдругъ раздался рога звонъ,
 И кто-то карлу вызываешь.
 Въ смяшени, блѣдный чародѣй
 На дѣву шапку надѣваешь;
 Трубаешь опяшь; звучный, звучный,
 И онъ лешись къ безвѣспной встрѣчь,
 Закинувъ бороду за плечи.

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,
ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя Княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немногоко въпрена... такъ что же?
Еще милѣе пѣмъ она.
Всечасно прелестію новой
Умѣешь насъ она плѣнить;
Скажише: можно ли сравнить
Ее съ Дельфирою суровой?
Одной — судьба послала даръ
Обворожающа сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви раждающа жаръ.
А ша — подъ юпкою гусаръ,
Лишь дайше ей усы да шпоры!
Блажень, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назовѣтъ:
Но, вѣрьте мнѣ, блажень и шопъ,

Кшо опть Дельфиры убъгаешъ
 И даже съ нею незнакомъ.
 Да впрочемъ дѣло не о помь!
 Но кшо шрубиль? Кшо чародѣя
 На съчу грозну вызываль?
 Кшо колдуна перепугаль?
 Руслань! — Онъ, меспью пламенѣя,
 Доспигъ обипели злодѣя,
 Ужь вишязъ подь горой споишъ,
 Призывный рогъ, какъ буря, воешъ,
 Нещерпѣливый конь кипишъ
 И снѣгъ копыщомъ мочнымъ роешъ.
 Князь карлу ждешъ. Внезапно онъ
 По шлему крыцкому спальному
 Рукой незримой пораженъ;
 Ударъ упаль подобно грому;
 Руслань подьемлешъ смушный взоръ,
 И видишъ — прямо надъ главою —
 Съ подьяшой, спрашной булавою
 Лешаешъ карло Черноморъ.
 Щипомъ покрывшись, онъ нагнулся,
 Мечемъ попрясъ и замахнулся;
 Но шощъ взвился подь облака;
 На мигъ исчезъ — и съ высока
 Шумя лепишъ на Князя снова,

Проворный випязь оплешѣль,
И въ снѣгъ съ розмаха рокова
Колдунъ упаль — да шамъ и съль;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшишь,
Поймалъ, за бороду хвапашь,
Волшебникъ силишся, кряхшишь,
И вдругъ съ Русланомъ улешаешь....
Решивый конь во слѣдъ глядишь;
Уже колдунъ подъ облаками;
На бородѣ герой висишь;
Лешашь надъ мрачными лѣсами,
Лешашь надъ дикими горами,
Лешашь надъ бездною морской;
Опъ напряженья коспенья,
Русланъ за бороду злодья
Упорной держишся рукой.
Межь шѣмъ, на воздухъ слабья
И силъ Руской изумьясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвишь: слушай, Князь!
Тебѣ вредишь я перешану;
Младое мужество любя,
Забуду все, прощу себя,
Спущусь — но шолько съ уговоромъ....

— „Молчи, коварный чародѣй!
 Прервалъ нашъ вишязь, съ Черноморомъ,
 Съ мучипелемъ жены своей,
 Русланъ не знаешь договора!
 Сей грозный мечъ накажешь вора.
 Лепи хопъ до ночной звѣзды,
 А бышь шебъ безъ бороды! —
 Боязнь объемлешь Черномора;
 Въ досадъ, въ гореспи нѣмой
 Напрасно длинной бородой
 Усшальный карло попрясаешь:
 Русланъ ее не выпускаешь
 И щиплешь волосы порой.
 Два дни колдунъ героя носишь,
 На шрепшій онъ пощады просишь:
 „О рыцарь! сжался надо мной;
 Едва дышу; нѣшь мочи болъ;
 Оспавъ мнѣ жизнь, въ швоей я волъ;
 Скажи — спущусь куда велишь....“
 — Теперь ты нашъ! ага! дрожишь!
 Смирись, покоршвуй Руской силъ!
 Неси меня къ моей Людмиль. —

Смиренно внемлешь Черноморъ;
 Домой онъ съ вишяземъ пушлся;

Лепишь — и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горъ.
Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженной головы,
И бороду схвативъ другою,
Опсѣкъ ее, какъ горспъ правы.
— „Знай нашихъ! молвилъ онъ жестоко,
Что, хищникъ! гдѣ швоя краса?
Гдѣ сила?“ и на шлемъ высокой
Съдые вяжешь волоса;
Свиспя зовешь коня лихаго,
Веселый конь лепишь и ржешь;
Нашъ випязь карлу, чущъ живаго,
Въ копомку за сѣдло кладешь,
А самъ, боясь мгновенья прапы,
Спѣшишь на верхъ горы крушой,
Доспигъ, и съ радоспной душой
Лепишь въ волшебныя палашы.
Вдали завидя шлемъ брадапый,
Залогъ побѣды роковой,
Предъ нимъ Араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки, со всѣхъ споронъ
Бѣгупъ — и скрылись. Ходишь онъ
Одинъ средъ храминъ горделивыхъ,

Супругу милую зовешь —
 Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
 Руслану голосъ подаешь;
 Въ волненьи чувствъ неперпѣливыхъ
 Онъ опворяешь двери въ садъ —
 Идешь, идешь — и не находишь;
 Кругомъ смущенный взоръ обводишь —
 Все мертво: рожицы молчатъ,
 Бесѣдки пусшы; на спремнинахъ,
 Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
 Нигдѣ Людмилы слѣду нѣшь,
 И ухо ничего не внемлешь.
 Внезапный Князя хладъ объемлешь,
 Въ очахъ его шемнѣешь свѣшь,
 Въ умѣ возникли мрачны думы.....
 „Бышь можешь, горесшь.... плѣнь угрюмый....
 „Минуша..... волны.....“ Въ сихъ мечпахъ
 Онъ погружень. Съ нѣмой поскою
 Поникнулъ вишязь головою,
 Его шомишь невольный спрахъ,
 Недвижимъ онъ какъ мершвый камень,
 Мрачнися разумъ; дикій пламень
 И ядъ опчаянной любви
 Уже шекушь въ его крови.
 Казалось — шѣнь Княжны прекрасной

Коснулась препешнымъ устамъ....
И вдругъ, неешовый, ужасный,
Спрямишся випязь по садамъ;
Людмилу съ воплемъ призываешъ,
Съ холмовъ ушесы опрываешъ,
Все рушишь, все крушишь мечемъ —
Бесъдки, роци упадаюшъ,
Древа, мосты въ волнахъ ныряюшъ,
Спешь обнажаешся кругомъ!
Далеко гулы повпоряюшъ
И ревъ, и шрескъ, и шумъ, и громъ;
Повсюду мечъ звенишь и свищешъ,
Прелесшный край опустошёнъ —
Безумный випязь жерпвы ищешъ,
Съ размаха вправо, влѣво онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаешъ.....
И вдругъ — нечаянный ударъ
Съ Княжны невидимой сбиваешъ
Прощальный Черномора даръ.....
Волшебства вмигъ исчезла сила:
Въ сѣняхъ опкрылася Людмила!
Не вѣря самъ своимъ очамъ,
Нежданномъ счастьемъ упоенной,
Нашъ випязь падаешъ къ ногамъ
Подруги вѣрной, незабвенной,

Лобзаешь руки, съши рвешь,
 Любви, воспорга слезы льешь,
 Зовешь ее — но дѣва дремлешь,
 Сомкнуны очи и уша,
 И сладоспращная мечта
 Младую грудь ея подъемлешь.
 Русланъ съ нея не сводишь глазъ,
 Его шерзаешь вновь кручина
 Но вдругъ знакомый слышишь гласъ,
 Гласъ добродѣшельяго Финна:

„Мужайся, Князь! въ обратный пушь
 Спупай со спящею Людмилой;
 Наполни сердце новой силой,
 Любви и чеспи вѣрень будь.
 Небесный громъ на злобу грянешь,
 И воцаришся шишина —
 И въ свѣшломъ Кіевѣ Княжна
 Передъ Владиміромъ возспанешь
 Опъ очарованнаго сна.“

Русланъ, симъ гласомъ оживленной,
 Берешь въ объашія жену,
 И шихо съ ношей драгоцѣнной

Онъ оставяетъ вышину,
И сходишь въ доль уединенной.

Въ молчаньи, съ карлой за сѣдомъ,
Повхаль онъ своимъ пушѣмъ;
Въ его рукахъ лежишь Людмила,
Свѣжа, какъ вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лице спокойное склонила.
Власами, свислыми въ кольцо,
Пуспынный въперокъ играешь;
Какъ часто грудь ея вздыхаешь!
Какъ часто тихое лицо
Мгновенной розою пылаешь!
Любовь и шайная мечша
Руслановъ образъ ей приносяшь,
И съ помнымъ шопомомъ успа
Супруга имя произносяшь
Въ забвеньи сладкомъ ловишь онъ
Ея волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нѣжный стонъ
И юныхъ персей волнованье

Межь пѣмъ, по доламъ, по горамъ,
И въ бѣлый день и по ночамъ ,

Нашъ вишязь ѣдешъ непрестанно.
Еще далекъ предѣль желанной,
А дѣва спишь. Но юный Князь,
Безплоднымъ пламенемъ шомясь,
Уже ль, спрадалецъ поспоянной,
Супругу шолько спорожилъ,
И въ цѣломудренномъ мечпаньѣ,
Смиривъ нескромное желанье,
Свое блаженство находилъ?
Монахъ, кошорый сохранилъ
Пошомству вѣрное преданье
О славномъ вишязѣ моёмъ,
Нашъ увѣряешъ смѣло въ шомъ;
И вѣрю я! безъ раздѣленья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоёмъ.
Паспушки! сонъ Княжны прелестной
Не походилъ на ваши сны,
Порой шомипельной весны,
На муравъ, въ шѣни древесной.
Я помню маленькой лужокъ
Среди березовой дубравы,
Я помню шемной вечерокъ,
Я помню Лиды сонъ лукавый
Ахъ! первый поцѣлуй любви

Дрожащій, легкій, шоропливый
 Не разогналь, друзья мои,
 Ея дремошы молчаливой
 Но полно! я болпаю вздоръ!
 Къ чему любви воспоминанье?
 Ея упѣха и спраданье
 Забышы мною съ давнихъ поръ;
 Теперь влекушъ мое вниманье
 Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними спелелся равнина,
 Гдѣ ели изрѣдка взошли;
 И грознаго холма въ дали
 Чернѣеть круглая вершина
 Небесъ на яркой синевѣ.
 Русланъ глядишь — и догадался,
 Чшо подъѣзжаетъ къ головѣ;
 Быспрѣ борзый конь помчался;
 Ужь вивно чудо изъ чудесъ;
 Она глядишь недвижнымъ окомъ;
 Качающъ въшры черный лѣсъ,
 Поросшій на чель высокомъ;
 Ланишы жизни лишены,
 Свинцовой блѣдносшью покрышы,
 Успа дрожащія опкрышы,

Огромны зубы спѣснены....
 Надъ полумертвой головою
 Последний день ужь нягошѣль.
 Къ ней храбрый вишязь прилепѣль
 Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
 Онъ крикнуль: „здравствуй, голова!
 „Я здѣсь! наказанъ пивой измѣнникъ!
 „Гляди: вошь онъ! злодѣй нашъ пѣвникъ!“
 И Князя гордыя слова
 Ее внезапно оживили,
 На мигъ въ ней чувство разбудили,
 Очнулась будто ото сна,
 Взглянула, спрашно заспонала
 Узнала вишязя она,
 И брата съ ужасомъ узнала.
 Надулись ноздри; на щекахъ
 Багровый огонь еще родился,
 И въ умирающихъ глазахъ
 Последний гнѣвъ изобразился.
 Въ смятеньи, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
 Она зубами скрежешала,
 И брату хладнымъ языкомъ
 Укоръ невнятный лепешала
 Въ рукахъ Руслана чародѣй
 Томился въ мукахъ ожиданья;

И Князь не могъ опшвесшь очей
 Ошь непоняшнаго созданья
 Но головы въ шопшь самый часъ
 Кончалось долгое спраданье :
 Чела мгновенный пламень гасъ,
 Слабъло пшажкое дыханье,
 Туманный закапшлся взоръ,
 И вскоръ Князь и Черноморъ
 Узршли смершши содроганье
 Она почила вьчнымъ сномъ.
 Въ молчаньи вишязъ удалился;
 Дрожащій карликъ за сьдломъ
 Не смьль дышашъ, не шевелился,
 И чернокнижнымъ языкомъ
 Усердно демонамъ молился.

На склонъ шемныхъ береговъ
 Какой-шо рьчки безымянной,
 Въ прохладномъ сумракъ льсовъ,
 Сшояль поникшей хашы кровь,
 Гуслыми соснами вьичанной.
 Въ печеньи медленномъ рька
 Вблизи плешень изъ шросшника
 Волною сонной омывала,
 И вокругъ него едва журчала

При легко́мъ шумѣ въшерка
Долина въ сихъ мѣстахъ шаилась,
Уединенна и шемна;
И шамъ, казалось, пишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ ошпановиль коня.
Все было шихо, безмяшежно;
Ошь разсвѣшающаго дня
Долина съ роцею прибрежной
Сквозь упренній сіяла дымъ.
Русланъ на лугъ жену слагаетъ,
Садипся близъ нее, вздыхаетъ
Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;
И вдругъ, онъ видипъ предъ собою
Смиренный парусъ челнока,
И слышипъ пѣсню рыбака
Надъ шихоспруйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ
Рыбакъ, на весла наклоненной,
Плыветъ къ лѣсислымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видипъ добрый Князь Русланъ:
Челнокъ ко берегу приплываетъ;
Изъ шемной хашы выбѣгаетъ
Младая дѣва; спройный спанъ,

Власы, небрежно распущенны,
 Улыбка, тихий взоръ очей,
 И грудь, и плечи обнаженны,
 Все мило, все плѣняетъ въ ней.
 И вопшь они, обнявъ другъ друга,
 Садяшся у прохладныхъ водъ,
 И часъ безпечнаго досуга
 Для нихъ съ любовью наспаёшь.
 Но въ изумлени молчаливомъ
 Кого же въ рыбакъ счастливымъ
 Нашъ юный випись узнаёшь?
 Хазарскій Ханъ, избранный славой,
 Рашмиръ въ любви, въ войнѣ кровавой
 Его соперникъ молодой,
 Рашмиръ, въ пусшынѣ безмятежной
 Людмилу, славу позабылъ,
 И имъ на вѣки измѣнилъ
 Въ объятіяхъ подруги нѣжной.

Герой приблизился, и вмигъ
 Ошпельникъ узнаеть Руслана,
 Вспаешъ, лепишь. Раздался крикъ...
 И обнялъ Князь младаго Хана.
 Чшо вижу я! спросилъ герой,
 Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ оспавиль

*

Тревоги жизни боевой,
И мечь, копорый пы прославиль?
„Мой другъ, ошвълспивоваль рыбаць,
Душь наскучиль бранной славы
Пустой и гибельный призраць.
Повърь: невинныя забавы,
Любовь и мирныя дубравы
Милъе сердцу во што краць —
Теперь, ушрапивъ жажду брани,
Пресцаль плащить безумству дани,
И, върнымъ счасшiemъ богашъ,
Я все забыль, товариць милый,
Все, даже предеспи Людмилы.“
— Любезный Ханъ, я очень радъ!
Сказаль Русланъ: она со мною —
— „Возможно ли? какой судьбою?
Чшо слышу? Руская Княжна . . .
Она съ побою! гдъ жъ она?
Позволь..... но нвътъ! боюсь измъны;
Моя подруга мнѣ мила ;
Моей счасливой перемъны
Она виновницей была ;
Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
Она мнѣ возврашила вновь
Мою ушраченную младосць,

И миръ, и чистую любовь.
 Напрасно счастье мнѣ сулили
 Усна волшебницъ молодыхъ;
 Двѣнадцать дѣвъ меня любили:
 Я для нее покинулъ ихъ;
 Оставилъ перемъ ихъ веселый,
 Въ пѣни хранищельныхъ дубровъ.
 Сложилъ и мечъ и шлемъ тяжелый,
 Забылъ и славу и враговъ.
 Опшельникъ мирный и безвѣспный,
 Оспался въ счастливой глуши
 Съ шобой, другъ милый, другъ прелеспный,
 Съ шобою, свѣтъ моей души! “ —

Паспушка милая внимала
 Друзей ошкрытый разговоръ,
 И, успремивъ на Хана взоръ,
 И улыбалась и вздыхала.

Рыбакъ и вишязъ на брегахъ
 До темной ночи просидѣли
 Съ душой и сердцемъ на успахъ —
 Часы невидимо лешѣли.
 Чернѣеть лѣсъ, темна гора;
 Вспаепъ луна — все тихо спало;

Герою въ пушь давно пора —
 Накинувъ шихо покрывало
 На дѣву спящую, Русланъ
 Идешь и на коня садился;
 Задумчиво безмолвный Ханъ
 Душей во слѣдъ ему спремился,
 Руслану счастья, побѣдъ
 И славы и любви желаетъ . . .
 И думы гордыхъ, юныхъ лѣшь
 Невольной грустью оживляетъ....

Зачѣмъ судьбой несуждено
 Моей непостоянной лирѣ
 Геройство воспѣвать одно,
 И съ нимъ (незнаемья въ мѣрѣ)
 Любовь и дружбу спарыхъ лѣшь?
 Печальной истины познать,
 Зачѣмъ я долженъ для попомства
 Порокъ и злобу обнажать,
 И шайны козни вѣродомства
 Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?

Княжны искапель недоспойной,
 Охоту къ славѣ поперявъ,

Никѣмъ незнаемый Фарлафъ
 Въ пущынь дальной и спокойной
 Скрывался и Наины ждалъ.
 И часъ поржеспивенный настпалъ.
 Къ нему волшебница явилась,
 Въщая: „знаешь ли меня?
 „Спулай за мной; сѣдай коня!“
 И въдьма кошкой обрапилась;
 Осѣланъ конь, она пустилась;
 Тропами мрачными дубравъ
 За нею слѣдуетъ Фарлафъ.

Долина пихая дремала,
 Въ ночной одѣшая шуманъ,
 Луна во мглѣ перебѣгала
 Изъ пучи въ пучу, и курганъ
 Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
 Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
 Сидѣлъ съ обычною поскою
 Предъ усыпленною Княжною.
 Глубоку думу думалъ онъ,
 Мечпы лешѣли за мечпами,
 И непримѣнно въялъ сонъ
 Надъ нимъ холодными крылами.
 На дѣву смущеными очами

Въ дремотѣ помной онъ взглянулъ,
И ушомленной главою
Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снился вѣщій сонъ герою:
Онъ видишь, будшо бы Княжна
Надъ спрашной бездны глубиною
Споишь недвижна и блѣдна
И вдругъ Людмила исчезаешь,
Споишь одинъ надъ бездной онъ...
Знакомый гласъ, призывный спонъ
Изъ пихой бездны вылешаешь
Русланъ спремился за женой;
Сспремглавъ лешинъ во шмѣ глубокой.....
И видишь вдругъ передъ собой:
Владиміръ, въ гридницѣ высокой,
Въ кругу сѣдыхъ богатырей,
Между двѣнадцашю сынами,
Съ шолпою названныхъ госпей
Сидишь за браными сполами.
И шакже гнѣвень спаршій Князь,
Какъ въ день ужасный распаванья,
И всѣ сидяшъ не шевелясь,
Не смѣя перервашъ молчанья.
Ушихъ веселый шумъ госпей,

Не ходишь чаша круговая
 И видишь онъ, среди гостей,
 Въ бою сраженнаго Рогдая:
 Убишый, какъ живой, сидишь;
 Изъ опьненнаго спакана
 Онъ, весель, пьешь и не глядишь
 На изумленнаго Руслана.
 Князь видишь и младаго Хана,
 Друзей и недруговъ . . . и вдругъ
 Раздался гуслей бѣглый звукъ
 И голосъ вѣщаго Баяна,
 Пѣвца героевъ и забавъ.
 Всплупаешь въ гридницу Фарлафъ,
 Ведешь онъ за руку Людмилу;
 Но спарець, съ мѣсца не привсхавъ,
 Молчишь, склонивъ главу унылу,
 Князья, Бояре — всѣ молчащъ,
 Душевные движенья кроя.
 И все исчезло — смершннй хладъ
 Объемлешь спящаго героя.
 Въ дремошу тяжко погружонъ,
 Онъ льешь мучительныя слезы,
 Въ волненьи мыслишь: эшо сонъ!
 Томишся, но зловѣщей грезы,
 Увы! прерващъ не въ силахъ онъ.

Луна чупь свѣпипть надъ горою;
 Объяпы роци пемношою,
 Долина въ мершвой шипинѣ
 Измѣнникъ ѣдешъ на конѣ.

Предъ нимъ опкрылася поляна;
 Онъ видишь сумрачный курганъ;
 У ногъ Людмилы спишь Русланъ,
 И ходишь конъ кругомъ кургана.
 Фарлафъ съ боязнію глядишь;
 Въ шуманѣ вѣдьма исчезаешъ,
 Въ немъ сердце замерло, дрожишь,
 Изъ хладныхъ рукъ узду роняешъ,
 Тихонько обнажаешъ мечъ,
 Гошовясь випязя безъ боя
 Съ размаха на двое разсѣчь
 Къ нему подъѣхаль. Конъ героя,
 Врага почуя, закипѣль,
 Заржалъ и попнуль. Знакъ напрасный!
 Русланъ не внемлешъ; сонъ ужасный
 Какъ грузъ надъ нимъ опягопѣль!...
 Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
 Герою въ грудь рукой презрѣнной
 Вонзаешъ прижды хладну спаль....

И мчипся боязливо въ даль
Съ своей добычей драгоценной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
Лежалъ во мракъ подь горою.
Часы лепѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
По утру, взоръ опкрывъ шуманной,
Пуская пшжкй, слабый спонъ,
Съ усиьемъ приподнялся онъ,
Взглянулъ, поникъ главою брапной —
И палъ недвижный, бездыханной.

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На лирѣ легкой и небрежной
Спаринны были напѣваешь,
И Музѣ вѣрной посвящаешь
Часы безцѣннаго досуга....
Ты знаешь, милая подруга,
Поссорясь съ въшренней молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забывъ и шрудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Опѣ гармонической забавы
Я, нѣгой упоенъ, опивекъ...
Дышу побой — и гордой славы
Не вняшенъ мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ шайный геній
И вымысловъ, и сладкихъ думъ;
Любовь и жажда наслажденій
Однѣ преслѣдуюшь мой умъ. —
Но ты велишь, но ты любила
Разказы прежніе мои,
Преданья славы и любви;

Мой богатырь, моя Людмила,
 Владиміръ, вѣдьма, Черноморь,
 И Финна вѣрныя печали
 Твое мечпанье занимали;
 Ты, слушая мой легкой вздоръ,
 Съ улыбкой иногда дремала;
 Но иногда свой нѣжный взоръ
 Нѣжнѣе на пѣвца бросала . . .
 Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
 Касаюсь вновь лѣнивыхъ спрунъ;
 Сажусь у ногъ твоихъ и снова
 Бренчу про вишязя младова.

Но что сказала я? Гдѣ Русланъ?
 Лежитъ онъ мертвый въ чистомъ полѣ;
 Ужъ кровь его не льется болѣ,
 Надъ нимъ лепашетъ жадный вранъ,
 Безгласенъ рогъ, недвижны лапы,
 Не шевелился шлемъ космашый!

Вокругъ Руслана ходитъ конь,
 Поникнувъ гордой головою,
 Въ его глазахъ исчезъ огонь!
 Не машетъ гривой золопою,
 Не шѣшился, не скачетъ онъ,

И ждешь, когда Русланъ воспрянешь
 Но Князя крѣпокъ хладный сонъ,
 И долго щипъ его не грянешь.

А Черноморь? онъ за сѣдломъ,
 Въ копомкѣ, вѣдьмою забытый,
 Еще не знаешь ничего;
 Успалый, сонный и сердитый
 Княжну, героя моего
 Бранилъ опъ скуки молчаливо;
 Не слыша долго ничего,
 Волшебникъ выглянулъ — о диво!
 Онъ видишь, богашерь убишь;
 Въ крови попопленный лежишь,
 Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
 Злодѣй опъ радости дрожишь;
 И мнишь: свершилось! я на волю!
 Но старый карло былъ не правъ.
 Межъ шѣмъ Наинной осянненый,
 Съ Людмиллой, шихо усыпленной,
 Спремияся къ Киеву Фарлафъ:
 Лежишь, надежды, страха полный;
 Предъ нимъ уже Днѣпровски волны
 Въ знакомыхъ пажипяхъ шумяшь;
 Ужъ видишь злашверхій градъ;

Уже Фарлафъ по граду мчишя,
И шумъ на стогнахъ воспашёшь;
Въ волненьи радоспномъ народъ
Валишь за всадникомъ, пѣснитя,
Бѣгушь обрадовашъ опца:
И вопъ измѣнникъ у крыльца.
Влача въ душъ печали бремя
Владимиръ-солнышко въ то время,
Въ высокомъ перемъ своёмъ
Сидѣль, томясь привычной думой.
Бояре, вишязи кругомъ
Сидѣли съ важностью угрюмой;
Вдругъ внемлешъ онъ, передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь опворилась, передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣспный;
Всѣ всшали съ шопопомъ глухимъ,
И вдругъ смушились, зашумѣли:
„Людмила здѣсь! Фарлафъ? ужели?“
Въ лицъ печальномъ измѣнясь,
Вспаешъ со спула спарый Князь,
Спѣшишь тяжелыми шагами
Къ несчастпной дочери своей,
Подходишь; опчими руками
Онъ хочешъ прикоснушься къ ней;

Но дѣва милая не внемлешь,
 И очарованная дремлешь
 Въ рукахъ убійцы — всѣ глядяшь
 На Князя въ смущенномъ ожиданьи;
 И спарецъ безпокойный взглядъ
 Вперилъ на випязя въ молчаньи.
 Но, хитро перспъ къ усшамъ прижавъ,
 „Людмила спишь, сказала Фарлафъ:
 „Я шакъ нашель ее недавно,
 „Въ пусшынныхъ Муромскихъ лѣсахъ
 „У злаго лѣшаго въ рукахъ;
 „Тамъ совершилось дѣло славно;
 „Три дня мы билися; луна
 „Надъ босмъ прижды подымалась;
 „Онъ палъ, а юная Княжна
 „Мнѣ въ руки сонною доспалась;
 „И кто прерветъ сей дивный сонъ?
 „Когда наспанеть пробужденье?
 „Не знаю — скрышь судьбы законъ!
 „А намъ надежда и перпънье
 „Однѣ ошались въ унѣшене.“

И вскорѣ съ вѣсью роковой
 Молва по граду полешъла;
 Народа песшрою шолпой

Градская площадь закипѣла ;
 Печальный перемь всѣмь опкрышь,
 Толпа волнуешя, валишь
 Туда, гдѣ на одрѣ высокомь,
 На одьяль парчевомь
 Княжна лежишь во снѣ глубокомь;
 Князья и вишязи кругомь
 Сстояшь унылы; гласы прубны,
 Рога, шимпаны, гусли, бубны
 Гремяшь надъ нею; спарый Князь,
 Тоской птяжелой изнурясь,
 Къ ногамь Людмилы сѣдинами
 Приникъ съ безмолвными слезами ;
 И блѣдный близъ него Фарлафъ
 Въ нѣмомь раскаянѣ, въ досадѣ,
 Трепещеть, дерзосшь пошерявъ.

Наспала ночь, никшо во градѣ
 Очей бессонныхъ не смыкаль;
 Шумя, шѣснились всѣ другъ къ другу ;
 О чудѣ всякой полковаль;
 Младой супругъ свою супругу
 Въ свѣщлицѣ скромной забываль;
 Но шолько свѣшь луны двурогой
 Исчезъ предъ ушренней зарѣй,

Весь Кіевъ новою прегогой
 Смушился! Клики, шумъ и вой
 Повсюду разнеслись! Граждане
 Бѣгутъ, спѣснились на спѣнахъ;
 И видящъ: въ ушреннемъ шуманъ
 Шапры бѣлѣющъ на холмахъ

Но въ эпо время вѣщій Финнъ,
 Духовъ могучій власшелинъ,
 Въ своей пуспынѣ безмяшежной,
 Съ спокойнымъ сердцемъ ожидаль,
 Чшобъ день судьбины неизбѣжной,
 Давно предвидѣнный, воспаль.

Въ нѣмой глуши шепей горючихъ,
 За дальной цѣпью дикихъ горъ,
 Жилища вѣшровъ, бурь гремучихъ,
 Куда и вѣдмы смѣлый взоръ
 Проникнушь въ поздній часъ боишся,
 Долина чудная шаишся,
 И въ той долини два ключа.
 Одинъ печешъ волной *живою*,
 По камнямъ весело журча,
 Топъ льешся *мертвою* водою;

Кругомъ все тихо, вѣтры спянь,
 Прохлада вешняя не вѣсь,
 Спошьни сосны не шумяшь,
 Не вьюся пшцы, лань не смѣсь
 Въ жарь лѣшній нить изъ пайныхъ водь;
 Чеша духовъ съ начала міра,
 Безмолвная на лонѣ мира,
 Дремучій берегъ спережешъ
 Съ двумя кувшинами пуспыми
 Предсхаль опшельникъ нередь ними
 Прервали духи давній сонъ,
 И удались спраха полны.
 Склонившись, погружаешъ онъ
 Сосуды въ дѣвсшвенныя волны;
 Наполниль, въ воздухъ пропаль,
 И очутился въ два мгновенья
 Въ долинь, гдѣ Русланъ лежалъ
 Въ крови, безгласный, безъ движенья;
 И спадъ надъ рыцаремъ спарикъ,
 И вспрыенуль мершвою водою,
 И ранѣ засіяли вмигъ
 И ирупъ чудесной красою
 Процвѣль; щогда водою живою
 Героя спарець окропиль,
 И бодрый, полный новыхъ силъ,

Трепеща жизнью молодою,
 Вспаешь Русланъ, на жонный день
 Очами жадными взираешь,
 Какъ безобразный сонъ, какъ пѣвй,
 Предъ нимъ минувшее мелькаешь.
 Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
 Въ немъ сердце вспыхнувъ замираешь.
 Вдругъ вишься вспрынулъ; вѣщій Финнъ
 Его зовешь и обнимаешь:
 „Судьба свершилась, о мой сынъ!
 Тебя блаженство ожидаетъ;
 Тебя зовешь кровавый пиръ;
 Твой грозный мечъ бѣдою грянешъ;
 На Кіевъ снидешь крошкѣй миръ,
 И памъ она тебѣ предспанешъ.
 Возьми завѣнное кольцо,
 Коснися имъ чела Людмилы,
 И шайныхъ чаръ исчезнутъ силы,
 Враговъ смушишь швое лице,
 Наспанешъ миръ, погибнешъ злоба.
 Достойны счастья будъше оба!
 Проспи на долго, вишься мой!
 Дай руку . . . памъ за дверью гроба —
 Не прежде — свидимся съ шобой!“ —
 Сказаль, исчезнулъ. Упоенный

Воспоргомъ пылкимъ и нѣмымъ,
 Русланъ, для жизни пробужденный,
 Подъемлешь руки вслѣдъ за нимъ
 Но ничего не слышно болѣ!
 Русланъ одинъ въ пустынномъ полѣ;
 Запрыгаль карла за сѣдломъ;
 Руслановъ конь нешерпѣливой
 Бѣжитъ и ржеть, махая гривой;
 Ужь Князь гошовъ, ужь онъ верхомъ,
 Ужь онъ лешишь живой и здравый
 Черезъ поля, черезъ дубравы;

Но между шѣмъ какой позоръ
 Являетъ Кіевъ осажденный?
 Тамъ, успремивъ на нивы взоръ,
 Народъ, уныньемъ пораженный,
 Споишь на башняхъ и спѣнахъ,
 И въ спрахъ ждешь небесной казни;
 Спенанья робкія въ домахъ,
 На спогнахъ пишина боязни;
 Одинъ, близъ дочери своей,
 Владиміръ въ горестной молишвѣ;
 И храбрый сонмъ богатырей
 Съ дружиной вѣрною Князей
 Гошовишся къ кровавой бишвѣ.

И день насталь. Толпы враговъ
 Съ зарею двинулись съ холмовъ;
 Неукропимыя дружины,
 Волнуясь, хлынули съ равнины'
 И пошекли къ спѣнь градской;
 Во градъ шрубы загремѣли,
 Бойцы сомкнулись, полешѣли
 На встрѣчу раши удалой,
 Сошлись и заварился бой.
 Почуя смерть, взыграли кони,
 Пошли спучашь мечи о брони;
 Со свиспомъ шуча спрѣль взвилась,
 Равнина кровью залилась;
 Спремглавъ наѣздники помчались,
 Дружины конныя смѣшались;
 Сомкнушой, дружною спѣной
 Тамъ рубишся со спроемъ спрой;
 Со всадникомъ шамъ пѣшій бѣшся;
 Тамъ конь испуганный несешся;
 Тамъ Русской палъ, шамъ Печенѣгъ;
 Тамъ клики бишвы, шамъ побѣгъ;
 Топъ опрокинушь булавою;
 Топъ легкой пораженъ спрѣлою;
 Другой, придавленный щипомъ,
 Распопшанъ бѣщенымъ конемъ . . .

И дллся бой до шемной ночи;
 Ни врагъ, ни нашъ не одолълъ!
 Надъ грудями кровавыхъ шълъ
 Бойцы сомкнули помны очи,
 И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
 Лишь изрѣдка на полѣ бипвы
 Былъ слышенъ падшихъ скорбный спонъ,
 И Русскихъ вишязей молишвы.

Блѣднѣла упренняя шѣнь,
 Волна сребрилася въ пошокъ,
 Сомнишельный раждался день
 На опуманенномъ восшокъ.
 Яснѣли холмы и лѣса,
 И просыпались небеса.
 Еще въ бездѣйшвенномъ покоѣ
 Дремало поле боевое;
 Вдругъ сонъ прервался: вражій спанъ
 Съ шревогой шумною воспрянулъ,
 Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
 Смушилось сердце Кіевлянъ;
 Бѣгушь неспройными полпами
 И видяшь, въ полѣ межъ врагами,
 Блишная въ лапахъ, какъ въ огнѣ
 Чудесный воинъ на конѣ

Грозой несешся, колешь, рубишь,
Въ ревуцій рогъ, лешая, прубишь . . .
То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ
Нашъ випязь палъ на басурмана;
Онъ рыщешъ съ карломъ за сѣдломъ
Среди испуганнаго спана.
Гдѣ ни просвищешъ грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчидся,
Вездѣ главы слешающъ съ плечъ,
И съ воплемъ спрой на спрой валидся;
Въ одно мгповенье бранный лугъ
Покришь холмами пѣлъ кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, спрѣлъ, кольчугъ.
На прубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя Славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились гибли, бусурманъ!
Объемлешъ ужасъ Печенѣговъ;
Пишомцы бурные набѣговъ
Зовушь разсѣянныхъ коней,
Пропивидся не смѣюшь болѣ
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгушь опъ Кіевскихъ мечей,
Обречены на жершву аду;

Ихъ сонмы Русскій мечъ казнишь;
Ликуешь Кіевъ . . . но по граду
Могучій богатырь лепишь;
Въ десницѣ держишь мечъ побѣдной;
Копье сіяешь какъ звѣзда;
Спруишься кровь съ кольчуги мѣдной;
На шлемъ вьешся борода;
Лепишь, надеждой окриленный,
По спогнамъ шумнымъ въ Княжій домъ.
Народъ, воспоргомъ упоенный,
Толпишься съ кликами кругомъ,
И Князя радость оживила.
Въ безмолвный перемъ входишь онъ,
Гдѣ дремлешь чуднымъ сномъ Людмила;
Владиміръ, въ думу погружонъ,
У ногъ ея споялъ унылый.
Онъ былъ одинъ. Его друзей
Война влекла въ поля кровавы.
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
Вдали опъ вражескихъ мечей,
Въ душъ презрѣвъ шревоги спана,
Споялъ на спражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ немъ кровь ошпыла, взоръ погасъ,
Въ ухахъ онкрышыхъ замеръ гласъ,

И паль безъ чувствъ онъ на колѣни;
 Но вспомня шайный даръ кольца
 Русланъ лешипъ къ Людмилѣ спящей,
 Ея спокойнаго лица
 Касается рукой дрожащей
 И чудо! юная Княжна,
 Вздохнувъ, открыла свѣплы очи!
 Казалось, будто бы она
 Дивилася столь долгой ночи;
 Казалось, будто свѣжій сонъ
 Ее помилъ мечпой неясной,
 И вдругъ узнала — эшо онъ!
 И Князь въ объятіяхъ прекрасной.
 Воскреснувъ пламенной душой,
 Русланъ не видишь, не внимаешь,
 И спарець въ радости нѣмой,
 Рыдая, милыхъ обнимаешь.

Чѣмъ кончу длинный мой рассказъ?
 Ты угадаешь, другъ мой милой!
 Неправый спарца гнѣвъ погасъ;
 Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
 У ногъ Руслана объявилъ
 Свой спыдъ и мрачное злодѣйство;
 Счастливымъ Князь ему проспиль;

Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принявъ карла во дворецъ;
И бѣдсвѣй празднуя конецъ,
Владиміръ въ грядницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней
Преданья старины глубокой.
